

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

П Р И

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Книжка 2.

МОСКВА.

Типографія В. Голье, на Кузнецкомъ мосту д. Торлецкаго.

1871.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

~~~~~  
ТОМЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.  
~~~~~

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

~~~~~  
**ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.**  
~~~~~

МОСКВА.

Типографія В. Готьє. на Кузнецкомъ мосту, д. Торлецкаго.

1871.

Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи.

Ректоръ Протоіерей *Александръ Горскій*.

С Л О В О

НА ДЕНЬ СВѢТОВЪ, ВЪ КОТОРЫЙ КРЕСТИЛСЯ НАШЪ
ГОСПОДЬ.

Нынѣ узнаю мое стадо; сегодня вижу обычный видъ церкви, когда возненавидѣвъ попеченіе о плотскихъ заботахъ, въ совершенной полнотѣ стеклись вы на служеніе Богу. Тѣснится народъ въ домъ (Божіемъ), во внутренности недоступнаго (всѣмъ) святилища. Подобно пчеламъ наполняютъ и внѣшнія мѣста въ притворахъ тѣ, которые непомѣстились внутри. Ибо и пчелы, однѣ работаютъ внутри улья, а другія отвиѣ съ шумомъ окружаютъ его. Такъ и дѣлайте, о чада, и никогда не оставляйте таковой ревности. Ибо признаюсь, что страдаю пастырскимъ страданіемъ, — сѣдя на этомъ высокомъ сѣдалищѣ, желаю видѣть собранное вокругъ, какъ бы у подножія горной вершины, стадо. И когда это случается, я полонъ удивительной радости и слово для меня столь же пріятный трудъ, какъ для пастырей пастушескія пѣсни. Когда же бываетъ

иначе, когда вы увлекаетесь блужданіемъ языческимъ ⁽¹⁾, какъ вы сдѣлали недавно, въ прошедшій воскресный день, то я много страдаю и предпочитаю молчать. Я помышляю бѣжать отсюда и ищу Кармила Пророка Иліи и какой либо необитаемой скалы; ибо для печальныхъ любезноуединеніе и пріятна пустыня. Нынѣ же видя васъ, съ самыми семействами вашими во множествѣ собравшихся на праздникъ, вспоминаю пророческое слово, которое издревле воспѣлъ Исаія, предвозвѣщая благоплодіе и многоплодіе Церкви. *Кѣи* суть, говоритъ, *иже яко облацы летятъ, и яко голуби со птенцы ко мнѣ* (Ис. 60, 8); присовокупляетъ и сіе: *тѣсно ми мѣсто, сотвори ми мѣсто, да вселюся* (Ис. 49, 20). Вотъ что сила Духа предвозвѣстила о многочисленности церкви Божіей, которая въ послѣдующія времена долженствовала наполнить всю вселенную отъ краевъ земли до краевъ. И такъ круговращеніе времени снова приводитъ насъ къ воспоминанію, очищающихъ человѣка, святыхъ таинствъ, которыя смываютъ неудобосмываемый грѣхъ съ души и тѣла и возводятъ къ первоначальной красотѣ, дарованной въ созданіи насъ величайшимъ художникомъ Богомъ. И посему вы, освященный народъ, опытно извѣдавшій блага нашей вѣры, собрались здѣсь и привели, какъ

(1). Святой Григорій вѣроятно разумѣетъ здѣсь театры и цирки.

добрые отцы, и тѣхъ, которые еще не испытали ихъ, заботливо и старательно руководя непосвященныхъ къ совершенному воспріятію благочестія. Я же сорадуюсь тѣмъ и другимъ; совершеннымъ, потому что вы обогатились великимъ даромъ, не освященнымъ, потому что вы надѣтесь получить прекрасныя блага,— оставленіе наказанія, разрѣшеніе узъ, соединеніе съ Богомъ, свободу дерзновенія, равночестность съ ангелами вмѣсто рабскаго уничиженія. Ибо эти и другія послѣдующія за сими блага, какъ залогъ, вручаетъ намъ и даруетъ благодать омовенія. По сему отлагая до другаго времени иные предметы изъ писаній остановимся на предположенной цѣли, по силамъ принося празднику свойственные и приличные ему дары. Ибо каждому празднику любезно свое; такъ бракъ мы сопровождаемъ брачными пѣснями; скорби отдаемъ обычное ей въ надгробныхъ пѣснопѣніяхъ; при дѣлѣ говоримъ важныя рѣчи; въ пиршествахъ разрѣшаемъ душевную сдержанность и сосредоточенность; наблюдаемъ, чтобы каждое время не возмушалось тѣмъ, что ему несвойственно.

Итакъ, родился Христъ, какъ бы не много дней тому назадъ, рожденный прежде всякой сущности, какъ чувственной, такъ и умосозерцаемой. Сего дня крещается онъ Іоанномъ, чтобы оскверненное очистить, Духа свыше привести и человѣка на небеса вознести, дабы

павшій возсталъ, а низвергнувшій посрамился. И не удивляйся, если мы стали для Бога предметомъ такого попеченія, что Самъ Онъ содѣлалъ спасеніе человѣка; заботою злодѣя мы потерпѣли насиліе; попеченіемъ Зиждителя спасаемся. Злой клеветникъ, вводя въ родъ нашъ неизвѣстный дотолъ грѣхъ, облекся въ достойный своего намѣренія покровъ, — въ змія, какъ нечистый, вошедши въ подобнаго себѣ, какъ земной и перстный, по свойству своей воли, вселившись въ пресмыкающагося. Христосъ же исправляя его лукавство, воспріемлетъ совершеннаго человѣка и спасаетъ человѣка и становится образомъ и начертаніемъ для всѣхъ насъ, дабы освятить начатокъ каждого дѣла и оставить рабамъ для ревностнаго исполненія несомнѣнное преданіе. Итакъ крещеніе есть очищеніе грѣховъ, прощеніе прегрѣшеній, причина обновленія и возрожденія; возрожденіе же разумѣй мыслию созерцаемое, очами не видимое. Ибо подлинно мы не измѣнимъ старца въ отроча, по слову Еврея Никодима и его грубому разумѣнію, и не превратимъ покрытаго морщинами и убѣленнаго сѣдинами въ вѣжное и новорожденное дитя, и не возвратимъ человѣка опять въ утробу матери; по запятаннаго грѣхами и составшагося въ злыхъ навыкахъ царскою благодатію возвратимъ къ невинности младенца. Потому что какъ новорожденное дитя сво-

бодно отъ вины и наказаній, такъ и чадо возрожденія, по дару Царя получивъ отпущеніе наказанія не подлежитъ ни за что отвѣтственности. Но такое благодѣяніе даруетъ не вода (ибо она была бы тогда совершеннѣе всего сотвореннаго); но повеленіе Божіе и нایتіе Духа, таинственно нисходящаго для нашего освобожденія; вода же служитъ для указанія очищенія. Поелику тѣло оскверненное грязью и нечистотою мы обыкновенно дѣлаемъ чистымъ, омывая его водою, то по сему мы ее же употребляемъ и въ таинственномъ дѣйствіи, чувственнымъ предметомъ обозначая не тѣлесную чистоту. А лучше, если угодно, остановимся на болѣе тонкомъ изслѣдованіи вопроса о банѣ (крещенія), начавъ какъ бы съ нѣкотораго источника, съ заповѣди писанія: *аще кто не родится, говоритъ оно, водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. 3, 5). Для чего два предмета, а не одинъ Духъ почитается достаточнымъ для полнаго совершенія крещенія? Человѣкъ не простъ, а сложенъ, какъ точно знаемъ; по сему (существу) двойственному, и сопряженному (изъ двухъ частей), удѣлены для изцѣленія его сродныя и подобныя врачества; видимому тѣлу,—чувственная вода, а невидимой душѣ,—Духъ незримый, призываемый вѣрою, неизреченно приходящій. Ибо *Духъ, иды же хочетъ, дышетъ, и власт ео*

слышати, но не вси откуду приходѣтъ, и камо идетъ (Іоан. 3, 8); Онъ благословляетъ тѣло крещаемое и воду омывающую. Посему не пренебрегай божественною банею и не почитай ее малоцѣнною, какъ нѣчто обыкновенное, по причинѣ употребленія воды, ибо Дѣйствующій великъ и отъ него совершается чудное. Потому что и сей святой жертвенникъ, которому предстоимъ, по природѣ есть обыкновенный камень, ничѣмъ неразличный отъ другихъ плитъ, изъ которыхъ строятся наши стѣны и коими украшаются полы; но поелику онъ посвященъ на служеніе Богу и принявъ благословеніе, то онъ есть святая трапеза, чистый жертвенникъ, которому касаются уже не всѣ, но только священники, да и тѣ съ благоговѣніемъ. Хлѣбъ опять,—пока есть обыкновенный хлѣбъ; но когда надъ ними будетъ священнодѣйствовано таинство, называется и бываетъ тѣломъ Христовымъ. То же бываетъ и съ таинственнымъ елеемъ; то же съ виномъ; сіи предметы малоцѣнны до благословенія, послѣ же освященія Духомъ, каждый изъ нихъ дѣйствуетъ отличнымъ образомъ. Та же сила слова производитъ такъ же почтеннаго и честнаго священника, новымъ благословеніемъ отдѣляя его отъ обыкновенныхъ простыхъ людей. Ибо тотъ, кто вчера и прежде былъ однимъ изъ многихъ, однимъ изъ народа, вдругъ оказывается вождемъ, предстоятелемъ, учителемъ

благочестія, совершителемъ сокровенныхъ тайнствъ; и такимъ онъ дѣлается, нисколько неизмѣнившись по тѣлу или по виду, но оставаясь по видимости такимъ же, какимъ былъ, нѣкоторою невидимою силою и благодатию преобразовался по невидимой душѣ, къ лучшему. Такимъ образомъ переносясь мыслию ко многимъ предметамъ, найдешь удобопрезираемымъ то, что является, а великимъ то, что имъ совершается, особенно же когда соберешь сродные тому, о чемъ идетъ рѣчь и подобные (примѣры) изъ ветхозавѣтной исторіи. Жезлъ Моисеевъ былъ орѣховаго дерева; и что онъ иное какъ не обыкновенное дерево, которое всякая рука рубить, и нести, и прилаживаетъ къ чему угодно, и по произволу бросаетъ въ огонь? Когда же Богъ восхотѣлъ сотворить чрезъ оный высокія и невыразимыя слова чудеса, дерево превращалось въ змія (Исх. 4, 2—5). И опять въ другой разъ, ударъ сего дерева по водамъ то содѣлывалъ воду кровью, то изводилъ безчисленное племя жабъ (Исх. 7, 17. 8, 6). За тѣмъ оно разсѣкало море до самой глубины, такъ что оно разошлось и не соединилось (Исх. 14, 20). Подобнымъ образомъ милоть одного изъ пророковъ, будучи козьею кожею, содѣлала Елисеязнаменитостию вселенной (4 Царств. 2, 13). А дерево креста есть спасеніе для всѣхъ людей, хотя оно часть, какъ слышалъ я, не важнаго растенія и цѣ-

нимаго менѣе многихъ другихъ. И кустъ терновника показалъ Моисею явленіе Бога (Иск. 3, 2) и останки Елиссея воскресили мертваго

Царств. 13, 21), и брѣніе просвѣтило спѣпаго отъ рожденія (Іоан. 9, 6). Всѣ эти предметы, будучи веществами неодушевленными и безчувственными, послужили средствомъ для великихъ чудесъ, пріявъ силу Божию. На основаніи подобныхъ разсужденій мы утверждаемъ, что и вода, будучи ни чѣмъ инымъ, какъ водою, когда благословить ее благодать свыше, обновляетъ человѣка въ мысленное возрожденіе. Если же кто либо недоумѣвая и сомнѣваясь, станетъ утруждать меня постоянными вопросами и допытываться, какъ вода и совершаемое надъ нею тайнодѣйствіе возрождаетъ, то я могу сказать ему по всей справедливости: представь мнѣ образъ рожденія по плоти, и я разскажу тебѣ силу пакибытія по душѣ. Скажешь можетъ быть, какъ будто давая какое объясненіе: сѣмя есть причина, производящая человѣка. Итакъ выслушай взаимно и отъ насъ, что благословляемая вода очищаетъ и просвѣщаетъ человѣка. Если же опять возразишь мнѣ: какъ? Я еще сильнѣе воскликну тебѣ въ отвѣтъ: какъ влажная и безформенная сущность дѣлается человѣкомъ? Если пройдемъ нашимъ словомъ по всему творенію, то и относительно каждой вещи также затруднимся (отвѣчать). Какъ произошло небо? Какъ—земля?

Какъ море? Какъ каждая вещь порознь? Ибо повсюду человѣческая мысль, бизильная открытъ истину, прибѣгаетъ къ этой частицѣ *какъ*, подобно тому какъ не могущіе ходить, къ сѣдалищу. И коротко сказать: повсюду сила Божія и дѣйствіе непостижимы и неизслѣдимы, она легко дала бытіе всему, чему ни захотѣла, но сокрыла отъ насъ подробное знаніе своего дѣйствованія. Посему и блаженный Давидъ обративъ вѣкогда умъ свой на великолѣпіе творенія и исполнившись въ душѣ недоумѣніемъ предъ чудесами его, изрекъ сїи, всѣми прославляемыя слова: *возвеличишася дѣла твоя Господи: вся премудростію сотворишъ еси* (Пс. 103, 24). Премудрость онъ уразумѣлъ, а искусства премудрости не постигъ.

Итакъ оставивъ трудныя изслѣдованія, превышающія человѣческую силу, спросимъ лучше о томъ, что представляется (возможнымъ) уразумѣть хотя отчасти. Почему очищеніе (совершается) водою? И для какой потребности принимаются три погруженія? Чему и отцы научили, что и нашъ умъ согласно съ ними принимаетъ, есть слѣдующее. Мы признаемъ четыре стихіи, изъ которыхъ слагается міръ: онѣ извѣстны всѣмъ, хотя бы мы и молчали о названіяхъ ихъ. А если для болѣе простыхъ нужно сказать и названія ихъ, то онѣ суть: огонь, воздухъ, земля и вода. Итакъ Богъ и Спаситель нашъ, совершая о насъ домострои-

тельство, снизшелъ на четвертую изъ сихъ (стихій) подъ землю, чтобы отсюда возсіять жизнь. Мы же приѣмля крещеніе по подражанію Господу и учителю и вождю нашему, хотя въ землю не погребаемся (ибо она бываетъ покровомъ совершенно умершаго тѣла, сокрывая немощь и тлѣніе нашего естества), но нисходя въ сродную съ землею стихію, — воду, сокрываемся въ ней, какъ Спаситель въ землѣ. Дѣлая же сіе трижды, отображаемъ на себѣ тридневную благодать воскресенія, и дѣлаемъ это, не въ молчаніи принимая таинство, но съ произнесеніемъ надъ нами именъ трехъ Святыхъ Ипостасей, въ которыя мы увѣровали, на которыя и уповаемъ, отъ которыхъ происходитъ и настоящее наше бытіе и будущее существованіе. Можетъ быть ты, дерзновенно ратующій противъ славы Духа, недоволенъ этимъ, и завидуешь чести Утѣшителя, которою чтутъ его благочестивые? Перестань же препираться со мною, и противорѣчь, если можешь, словамъ Господа, которыми законоположено для людей призываніе при крещеніи. Что же говорится въ повелѣніи Владыки? *Крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѣ. 28, 19.). Почему во имя Отца? Потому что Онъ начало всего. Почему во имя Сына? Потому что Онъ Зиждитель твари. Почему во имя Духа Святаго? Потому что Онъ совершительная сила всего. Итакъ

преклонимся Отцу, дабы освятиться; преклонимся и Сыну, да будетъ тоже самое, преклонимся и Святому Духу, да будемъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть и именуется (т. е. святыми.). Нѣтъ различія въ освященіи, какъ будто бы Отецъ освящаетъ болѣе, Сынъ же менѣе, и Святой Духъ менѣе ихъ обоихъ. Итакъ для чего же ты раздробляешь три Ипостаси на различныя естества и содѣливаешь трехъ боговъ, не подобныхъ другъ другу, когда отъ всѣхъ (ихъ) приѣмлешь одну и ту же благодать?

Послику же примѣры всегда дѣлають слово болѣе оживленнымъ для слушателей, то я хочу подобіемъ исправить образъ мыслей богохульствующихъ, земнымъ и низкимъ объясняя великое и незримое чувствами. Еслибы съ тобою случилось несчастіе подвергнуться плѣну отъ непріятелей, стать рабомъ, бѣдствовать и оплакивать прежнюю свободу, которую имѣлъ, и вдругъ три извѣстные гражданина, прибывъ въ страну твоихъ владыкъ и тиранновъ, освободили тебя отъ удручающей неволи, поровну заплативъ выкупъ и равномерно раздѣливъ между собою денежныя издержки: то получивъ такую милость, если будешь справедливо цѣнить благодѣяніе, неодинаково ли станешь смотрѣть на (всѣхъ) трехъ, какъ на благодѣтелей и не по равной ли части внесешь имъ долгъ за выкупъ, когда общими были и забота о тебѣ и издержки? Что ка-

сается до примѣровъ, то этаго достаточно; ибо нынѣ мы не имѣемъ цѣлью оправдывать ученіе вѣры. Перейдемъ къ настоящему времени и къ предположенному изслѣдованію. Нахожу, что благодать крещенія не только послѣ крестнаго страданія возвѣстили Евангелія, но что и прежде вочеловѣченія Господа, Ветхозавѣтное Писаніе повсюду предобразовало образъ нашего пакибытія, не ясно являя видъ его, но гадательно предъизображая чловѣколюбіе Божіе. И какъ агнецъ былъ предвозвѣщенъ, и крестъ предсказанъ, такъ и крещеніе было предуказано и въ дѣйствіяхъ и въ словѣ. Напомнимъ же любознательнымъ о сихъ прообразахъ, потому что время праздника необходимо требуетъ сего воспоминанія. Агарь, рабыня Авраама, повѣствованіе о которой и Павелъ иносказательно объясняетъ, бесѣдуя съ Галатами (Гал. 4, 22—28.), высланная изъ дома господина по причинѣ гнѣва Сарры (ибо тяжела для законныхъ женъ раба подозрѣваемая въ близости къ господину) одинокая шла по пустынной землѣ, имѣя при себѣ вскормленнаго ею Измаила. Поелику же оказался недостатокъ въ необходимомъ и сама она была на краю смерти и прежде нея дитя, такъ какъ вода бывшая въ мѣхѣ истошилась, (да и невозможно было Синагогѣ, доколѣ она вращалась только среди образовъ приснотекущаго Источника, имѣть

въ себѣ достаточно жизни); то неожиданно является ангелъ и показываетъ ей кладязь воды живой, почерпнувъ изъ котораго, спасаетъ Измаила. (Быт. 21, 14—20.). Итакъ обрати вниманіе на таинственный прообразъ, какъ въ самомъ началѣ погибающему (подавалось) спасеніе чрезъ живую воду, не бывшую прежде, но по благодати дарованную Ангеломъ. Опять, въ послѣдствіи времени должно было сочетаться бракомъ тому Исааку, ради котораго и Измаиль былъ изгнанъ съ своею матерію изъ подъ отеческаго крова. И служитель Авраамовъ, будучи посланъ сватомъ, чтобы привести невѣсту (своему) господину, находитъ Ревекку близъ колодца, и бракъ, отъ котораго имѣлъ произойти родъ Христовъ, получаетъ начало и первое соглашеніе при водѣ (Быт. 24, 11—27.). Также и самъ Исаакъ, когда водилъ стада, повсюду въ пустынѣ копалъ колодцы, которые иноплеменники заграждали и засыпали землею (Быт. 26, 15—23.), во образъ тѣхъ нечестивыхъ послѣдующаго времени, кои возбраняли и препятствовали благодати крещенія, противоборствуя истинѣ; однакоже копавшіе кладязи мученики и священники побѣдили и даръ крещенія наводнилъ всю вселенную. Тоже самое значеніе словъ (писанія) находимъ и въ томъ, что Іаковъ, спѣша къ супружеству, неожиданно встрѣтилъ Рахиль при колодцѣ; на колодцѣ же лежалъ большой

камень, который множество пастуховъ собираясь вмѣстѣ отваливали, чтобы такимъ образомъ добыть воды себѣ и овцамъ (Быт. 29, 1—10.). Но Иаковъ одинъ отваливаетъ камень и напаяетъ овецъ своей невѣсты. Это событіе, думаю я, есть загадочное изображеніе и тѣнь будущаго. Ибо кто есть наложенный камень, какъ не самъ Христось? О немъ говоритъ Исаія: и положу *въ основаніе Сиону камень многоцѣненъ, избранъ, честенъ* (Ис. 28, 16); и Давидъ подобнымъ же образомъ: *отспѣсся камень безъ рукъ* (Дан. 2, 45.), то есть родился Христось безъ мужа. Ибо какъ необычайно и странно, чтобы камень отсѣкся отъ скалы безъ каменотесца и каменотесныхъ орудій, такъ и превыше всякаго чуда—видѣть рожденіе отъ безневѣстной Дѣвы.

Итакъ долгое время лежалъ на кладязѣ разумный камень,—Христось, скрывая во глубинѣ и тайнѣ баню пакибытія, имѣя еще нужду въ продолжительномъ времени, какъ бы въ долгой веревкѣ, чтобы быть открытымъ. И никто не отвалилъ камня кромѣ Израиля, который есть умъ, видящій Бога. Далѣе, онъ же и воду почерпаетъ и напаяетъ овецъ Рахили, то есть открывъ сокровенное таинство, подаетъ живую воду стаду Церкви. Присовокупи къ сему и то, что (сказано въ Писаніи) о трехъ жезлахъ Иакова. Съ того времени, какъ три жезла были положены при источ-

никъ, богатый Лаванъ сталъ бѣднымъ, а Іаковъ богатымъ и имѣющимъ много овецъ (Быт. 30, 31—43.). Иносказательно же Лаванъ знаменуетъ діавола, а Іаковъ Христа. Ибо послѣ крещенія Христось взялъ все стадо отъ сатаны и сталъ самъ богатъ. Великій Моисей, въ то время какъ былъ прекраснымъ груднымъ младенцемъ, подпавъ общему и печальному опредѣленію, которое произнесъ жестокій Фараонъ на младенцевъ мужескаго пола, былъ оставленъ на берегу рѣки не нагой, но положенный въ ковчежець (Исх. 2, 3.); по тому что, иносказательно, закону надлежало быть въ ковчегѣ. Положенъ близъ воды; ибо законъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ благодатію и ежедневныя омовенія Евреевъ скоро въ послѣдующія времена должны были замѣниться совершеннымъ и дивнымъ крещеніемъ. А по мнѣнію божественнаго Павла и самый народъ, прошедшій Чермное море, благовѣствовало спасеніе отъ воды (1 Кор. 10, 1—4.). Прошелъ народъ, а Египетскій царь съ войскомъ потонулъ; и это событіе предвозвѣщало таинство. Ибо и нынѣ, когда народъ, убѣгая отъ Египта,—злаго грѣха, нисходитъ въ воду пакибытія, самъ онъ освобождается и спасается, а діаволь съ своими слугами (говорю о духахъ злобы) задыхается отъ печали и бѣдствуетъ, почитая собственнымъ несчастьемъ спасеніе людей. Достаточно было бы

сего для доказательства того предмета, который предположили мы (раскрыть). Однакоже любознательный не долженъ оставлять безъ вниманія и того, что слѣдуетъ далѣе. Народъ Еврейскій много, какъ мы знаемъ, пострадавшій и окончившій тягостное странствованіе въ пустынь, не прежде получилъ землю обѣтованную, какъ перешедши подъ руководствомъ вождя и правителя своей жизни, Иисуса, Иорданъ. Иисусъ же, положивши въ потокъ двѣнадцать камней, очевидно симъ предъизобразилъ двѣнадцать учениковъ, служителей крещенія (Ис. Нав. 4, 9.). А удивительное и всякій человѣческій умъ превышающее священнодѣйствіе старца Фесвитянина чѣмъ было инымъ, какъ не предназначенованіемъ, самымъ дѣломъ, вѣры во Отца и Сына и Святаго духа и искупленія? Ибо когда весь Еврейскій народъ, поправъ отеческое благочестіе, ниспалъ въ заблужденіе многобожія, и Царь Ахаавъ тѣшился идолослуженіемъ, имѣя злою подругою жизни и всескверною учительницею нечестія ненавистную Іезавель; то исполнившійся духовной благодати и вышедшій на встрѣчу Ахааву пророкъ, при свидѣтеляхъ, — царѣ и всемъ народѣ, вступилъ въ удивительную и необычайную борьбу съ жрецами Ваала. Предложивъ имъ безъ огня принести въ жертву вола, онъ показалъ, какъ смѣшны и жалки напрасно молящіеся и вопіющіе къ

несуществующимъ богамъ. Наконецъ, призвавъ самъ своего истиннаго Бога, дивно совершилъ предложенную борьбу, многое прибавивъ и присовокупивъ; ибо не просто помолившись низвелъ съ неба огонь на бывшія тамъ сухія дрова но, повелѣвъ и приказавъ слугамъ принести много воды и троекратно поливъ дрова изъ водоносовъ, молитвою возжегъ огонь изъ воды, дабы чрезъ необычайное соединеніе въ сродство и содѣйствіе противоположныхъ по природѣ стихій съ большею необычайностію показать силу своего Бога. (3 Царств. 18, 16—40.) Такъ, симъ дивнымъ священнодѣйствіемъ Ілія ясно предвозвѣстилъ намъ объ имѣющемъ совершиться въ послѣдствіи тайнодѣйствіи крещенія. Ибо троекратно возлитою водою возжигается огонь для того, чтобы показать, что гдѣ таинственная вода, тамъ и духъ воспламеняющій, горящій, огневидный, нечестивыхъ сожигающій, а вѣрныхъ освѣщающій. Также и ученикъ его Елисей, пришедшаго къ нему просителя, болѣвшаго проказою Неемана Сиріянина, омывши въ Іорданѣ, очищаетъ отъ болѣзни, употребленіемъ воды вообще и погруженіемъ въ рѣкъ въ частности, ясно предзнаменуя будущее (4 Царствъ 5. 1—15.). Ибо изъ рѣкъ одинъ Іорданъ, пріявъ въ себя вачатокъ освященія и благословленія, какъ бы изъ нѣкотораго образнаго источника излилъ

всему міру благодать крещенія. Все это указанія на пакибытіе чрезъ баню (крещенія) въ самыхъ дѣлахъ и событіяхъ.

Посмотримъ наконецъ на пророчества въ словахъ и реченіяхъ. Итакъ Исаія вопіетъ, говоря: *измыйтеся, чисти будете, отымите лукавства отъ дутъ вашихъ* (Ис. 1, 16.). Давидъ же: *приступите къ нему и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся* (Псалм. 33, 6.). А Іезекіиль, пиша яснѣе и понятнѣе, даетъ прекрасное обѣтованіе: *и выкроплю на вы воду чисту, и очиститесь отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ, и отъ всѣхъ кумировъ вашихъ очищу васъ, и дамъ вамъ сердце ново, и духъ новъ дамъ вамъ, и отилму сердце каменное отъ плоти вашей, и дамъ вамъ сердце плотяно, и духъ мой дамъ въ васъ* (Іезек. 36, 25. 26.). Яснѣе же всего пророчествуетъ Захарія, (изображая) Іисуса облеченнымъ въ одежду нечистую, то есть нашу рабскую плоть; совлеки же съ него мрачное одѣяніе украшаетъ его въ одежду чистую и свѣтлую (Захар. 3, 1—6.), симъ образнымъ примѣромъ научая насъ, что въ крещеніи Іисусовомъ всѣ мы совлекаясь грѣховъ, какъ бы нищенскаго и изъ лоскутьевъ сшитаго хитона, одеваемся въ священную и прекраснѣйшую (одежду) пакибытія. Гдѣ же помѣстимъ мы и оное изреченіе Исаи, взывающегоъ къ пустынь: *радуйся пустыня жаждущая, да веселится пустыня: и да целтеть*

яко кринз. *И процвѣтетъ и возвеселится пустыня Иорданова* (Исаиѣ 35, 1. 2.). Ясно, что не безжизненнымъ и безчувственнымъ мѣстамъ благовѣствуетъ радость, но подъ пустынею образно разумѣеть грубую и не благоустроенную душу. Это разумѣеть и Давидъ, когда говоритъ: *душа моя, яко земля безводная* (Пс. 142, 6.), и опять: *возжажда душа моя къ Богу крѣпкому, живому* (Пс. 41, 3.). Въ Евангеліи также (говоритъ) Господь: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко мнѣ и пьетъ* (Іоан. 7, 37.); и къ Самарянкѣ: *всякъ пійй отъ воды, сея вжаждется пакы: а иже пьетъ отъ воды, юже азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки.* (Іоан. 4, 13. 14.). *И честь кармилова* (Ис. 35, 2.) дастся душѣ имѣющей подобіе съ пустынею, то есть благодать отъ Духа (святаго). Такъ какъ Ілія обиталъ на Кармиль, гора же эта сдѣлалась знаменитою вслѣдствіе добродѣтели и славы обитавшаго на ней, а Іоаннъ креститель возсіявшій въ духъ Іліи (Лук. 1, 17.) освятилъ Іорданъ; то посему пророкъ предвозвѣстилъ, что сей рѣкъ дана будетъ честь Кармилова. *И славу Ливанову* (Ис. 35, 2.) отнесъ къ рѣкѣ, по сравненію съ высокими деревьями, ибо какъ опій Ливанъ имѣеть достаточный предметъ для удивленія,—самыя деревья, которыя произращаетъ и питаетъ; такъ и Іорданъ прославляется за то, что возраждаетъ и насаждаетъ въ раю

Божіемъ людей, всегда цвѣтущихъ и осыпанныхъ добродѣтелями, которыхъ листъ, по словамъ псалма, не *отпадетъ* (Пс. 1, 3.), а плодамъ, въ свое время снятымъ, возвеселится Богъ какъ добрый насадитель, веселящійся собственными дѣлами. Пророчествовалъ божественный Давидъ и о гласѣ, который Отецъ съ небесъ изрекъ надъ крещающимся Сыномъ, дабы слышавшихъ оный, кои до тѣхъ поръ видѣли только чувственную униженность Его какъ человѣка, привести къ познанію естественнаго достоинства Его божества. Въ книгѣ (Псалмовъ) Онъ написалъ слѣдующее: *гласъ Господень на водахъ, гласъ Господень въ великолѣпнѣи* (Пс. 28, 3. 4.). Но что касается до свидѣтельствъ изъ божественныхъ писаній, то мы остановимся здѣсь; ибо слово разширилось бы до безграничныхъ размѣровъ, если бы кто захотѣлъ, изъясняя все порознь, изложить въ одной книгѣ.

Вы же всѣ, которые красуетесь даромъ пакибытія и хвалитесь спасительнымъ обновленіемъ, покажите мнѣ, послѣ (полученія) таинственной благодати, перемѣну нравовъ, и чистотою образа жизни дайте знать о различіи измѣненія къ лучшему. Ибо въ томъ, что видимо для глазъ, ничто не перемѣнилось; черты тѣла остаются тѣми же самыми, и наружный видъ видимаго естества не измѣняется. Но вполнѣ необходимо какое нибудь ясное ука-

заніе, по которому мы признали бы только что рожденнаго человѣка, по какимъ нибудь яснымъ признакамъ различая новаго (человѣка) отъ ветхаго. Такіе признаки, думаю я, состоятъ въ свободныхъ движеніяхъ души, по которымъ она, отдаляясь отъ древняго привычнаго образа жизни и вступая на новый путь ея, ясно покажетъ знающимъ ее, что она содѣлалась другою, не оставивъ на себѣ никакой ветхой примѣты. Способъ же сего преобразования, если повѣришь мнѣ, сохраните (мое) слово, какъ законъ, будетъ таковъ. Если кто до крещенія былъ невоздержнымъ, любостыжательнымъ, хищникомъ чужаго, обидчикомъ, лжецомъ, клеветникомъ, или преданъ подобнымъ и близкимъ къ симъ порокамъ; тотъ пусть будетъ нынѣ благонравнымъ, цѣломудреннымъ, довольнымъ своимъ и отъ своего подающимъ тѣмъ, кто находится въ бѣдности, правдолюбнымъ, почтительнымъ, благосклоннымъ, коротко сказать,—подвизающимся во всякомъ похвальномъ дѣлѣ. Ибо, какъ свѣтомъ разсѣвается тьма, и какъ чернота исчезнетъ, когда будетъ закрашена бѣлою краскою; такъ и ветхій человѣкъ исчезнетъ, когда его украсятъ дѣла правды. Видишь, какъ и Закхей измѣненіемъ образа жизни умертвилъ въ себѣ мыгара, возвративъ и отдавъ въ четверо тѣмъ, коимъ не право причинилъ ущербъ. (Лук. 19, 8.). Евангелистъ Матеей, другой

мытарь, занимавшійся тѣмъ же дѣломъ, что и Закхей, послѣ призванія (Матѣ. 9, 9.) тотъ часъ перемѣнилъ жизнь, какъ бы какую личину. Гонителемъ былъ Павелъ, но послѣ (пріятія) благодати сталъ Апостоломъ, и понесъ за Христа тяжкія узы, въ знакъ воздаянія и роскаянія за тѣ несправедливыя узы, которыя взявъ у закона несъ возложить на Евангеліе (Дѣян. 9, 1—3.). Таковымъ должно быть возрожденіе; такъ должно изглаживать привычку ко грѣху; такъ должно жить сынамъ Божиимъ; ибо мы зовемся послѣ (полученія) благодати сынами Божиими. По сему должно тщательно присматриваться къ свойствамъ нашего Родителя, чтобы образуя себя и свою жизнь по подобію Отца, мы явились истинными чадами Того, Кто призвалъ насъ къ благодатному усыновленію. Ибо если кто отеческое благородство не оправдываетъ дѣлами, то это дурной признакъ: онъ незаконно-рожденный, подкидышъ. По сему кажется мнѣ, и Господь въ Евангеліи, устанавливая намъ правила жизни, употребилъ такія выраженія (обращаясь) къ ученикамъ: *добро творите ненавидящимъ васъ, молитесь за творящихъ вамъ напасть и изоняція вы: яко да будете сынове Отцавашего, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и блаяя, и дождитъ на праведныя и на неправедныя.* (Матѣ. 5, 44. 45.). Ибо тогда, говорить, будутъ сынами, когда въ своихъ по-

мыслахъ напечатлѣють подобіе отеческой бла-
гости, въ человѣколюбіи къ ближнимъ.

Посему и діаволь, послѣ (полученія нами)
достоинства усыновленія, сильнѣе злоумыш-
ляетъ противъ насъ, бросая завистливыя взоры,
когда видитъ красоту новорожденнаго чело-
вѣка, спѣшащаго къ небесному жительству,
откуда онъ низпалъ и возбуждаетъ на насъ
огненные искушенія, стараясь отнять и второе
украшеніе, какъ отнялъ первое. Но когда по-
чувствуемъ его нападенія, должны прилагать
къ себѣ апостольское изреченіе: *слицы во*
Христа крестихомся, въ смерть его крестихомся
(Рим. 6, 3.). Если же мы содѣлались сообразны
смерти его (Филип. 3, 10.), то за тѣмъ грѣхъ
въ насъ совершенно мертвъ, будучи пронзенъ
копьемъ крещенія, какъ оный блудникъ ревни-
телемъ Финеесомъ (Числ. 25, 8.). Итакъ бѣги
отъ насъ, ненавистный, ибо хочешь ограбить
мертваго, древле бывшаго въ союзѣ съ тобою,
нынѣ потерявшаго способность ощущать удо-
вольствія. Мертвый не питаетъ любви плотской,
мертвый не уловляется богатствомъ, мертвый
не клевететь, мертвый не лжетъ, не похи-
щаетъ того, что не принадлежитъ ему, не
оскорбляетъ кого ни случится. Для другой
жизни указаны мнѣ правила жизни; я наученъ
презирать мірское, оставлять безъ вниманія
земное, спѣшить къ небесному, какъ опре-
дѣленно свидѣтельствуешь Павелъ, что міръ

ему *распяся* и онъ міру (Галат. 6, 14.). Вотъ рѣчи души истинно возрожденной; вотъ слова новопосвященнаго человѣка, помнящаго собственное обѣщаніе, которое онъ далъ Богу при сообщеніи ему таинства, — обѣщаніе пренебрегать всякимъ и мученіемъ и удовольствіемъ ради любви къ Нему.

Сказаннаго нами достаточно для священнаго предмета дня, который круговращающійся годъ привелъ намъ въ урочное время. Хорошо же заключить слово обращеніемъ къ челоуѣколюбивому подателю такого дара, вознося малый гласъ въ воздаяніе за великія дѣла. Ибо Ты, Владыко, по истинѣ чистый и приснотекущій источникъ благостыни, Ты справедливо отворотился отъ насъ и челоуѣколюбиво помиловалъ насъ; возненавидѣлъ и примирился съ нами; проклялъ и благословилъ, изгналъ изъ рая и онять призвалъ; снялъ съ насъ листья смоковницы, — постыдный покровъ, и облекъ одеждою многоцѣнною; отверзъ темницу и освободилъ осужденныхъ; окропилъ водою чистою и очистилъ отъ сквернъ. Уже не будетъ стыдиться призываемый тобою Адамъ, и не станетъ скрываться обличаемой совѣстію, хоронясь подъ кустомъ рая. Уже не станетъ огненный мечъ ограждать рая, дѣлая входъ недоступнымъ для приближающихся къ нему. Но все для насъ, наслѣдниковъ грѣха, измѣнилось къ радости. Доступенъ челоуѣку рай

и самое небо; пришла въ дружественное согласіе тварь, какъ въ мірѣ, такъ и превыше міра, древле враждовавшая между собою, и мы люди стали согласны съ ангелами, благочестиво исповѣдуя ихъ богословіе. По всему этому, воспоемъ нѣснь радости Богу, которую древле пророчески возгласили уста, одушевленныя Духомъ: *да возрадуется душа моя о Господь: облече бо мя въ ризу спасенія, и одеждою веселія одѣя мя: яко на жениха возложи на мя вѣнецъ, и яко невѣсту украси мя красотою* (Псалм. 61, 10.). Украситель же невѣсты, конечно, есть Христосъ, сый и прежде Сый и грядый, благословенный нынѣ и во вѣки. Аминь.

С Л О В О

НА СВЯТУЮ ПАСХУ, И О ТРИДНЕВНОМЪ СРОКѢ
ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА.

Если какое благословеніе, данное патриархамъ Духомъ Божественнымъ, подтвердилось, если какое благо, обѣщанное духовнымъ законодательствомъ, исполняющимъ оное ожидается, если въ загадочныхъ событіяхъ (Священной) исторіи усматривается вѣроуѣрное предназначеніе истины, если какой пророческій голосъ благовѣствовалъ о сверхъестественномъ; то все сіе есть дѣло настоящей благодати. И какъ въ подлежащемъ нашимъ глазамъ зрѣлищѣ наши взоры озаряетъ одинъ свѣтъ, соединяющійся отъ безчисленныхъ свѣтильниковъ; такъ и все Христово благословеніе, само по себѣ блистающее, на подобіе пламенника, проливаетъ намъ сей великій свѣтъ, сливающійся изъ многихъ и различныхъ лучей писанія. Ибо отъ cadaго изъ боговдохновенныхъ указаній можно заимствовать что либо приличное настоящему

празднеству. Спросишь ли о смыслѣ благословенія Авраамова? (Быт. 26, 4.). Найдешь искомое, взирая на настоящее. Видишь ли звѣзды небесныя,—я говорю о звѣздахъ, отъ Отца нашего прекрасно возсіявшихъ и содѣлавшихъ церковь цѣлымъ небомъ,—о звѣздахъ, благодать отъ которыхъ, озаряющую душу, означаютъ лучи свѣгильниковъ? И называющій ихъ по истинѣ чадами Авраама, родившимися ему по обѣтованію, небеснымъ звѣздамъ подобными, не погрѣшитъ противъ истины. Удивляешься ли возвышенному Моисею, силою вѣдѣнія объявшему все Божіе твореніе? Вотъ тебѣ благословенная суббота перваго міротворенія. Черезъ ту субботу познай сію субботу, день успокоенія, который Богъ благословилъ преимущественно предъ иными днями. Ибо въ оный истинно успокоился отъ всѣхъ дѣлъ своихъ Единородный Богъ, промыслительнымъ воспріятіемъ смерти субботаствовавшей плотию, и опять возшедши туда, гдѣ былъ, воскресеніемъ совоскресилъ съ Собою все лежащее, содѣлавшись жизнью, и воскресеніемъ, и востокомъ, и днемъ для сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной (Ис. 9, 2.). (Священная) Исторія полна (примѣрами) подобнаго благословенія. Отецъ Исаака не щадитъ сего возлюбленнаго; единородный содѣлывается приношеніемъ и жертвою, и вмѣсто него закалается агнецъ (Быт. 22, 1—13): въ этомъ повѣст-

вованіи можно видѣть все таинство благочестія, Агнецъ зацѣпляется за дерево, *держимый рогами*; однородный для себя самого несетъ дрова ко всесожженію: видишь ли, какъ все носящій *глаголомъ силы*, Самъ и несетъ бремя нашихъ дровъ (т. е. грѣховъ), и древомъ воспринимается, неся какъ Богъ, и возносимый какъ Агнецъ? такъ Духъ Святый образно раздѣлилъ великое таинство между обоими—возлюбленнымъ сыномъ и вмѣстѣ указаннымъ агнцемъ, чтобы показать въ агнцѣ таинство смерти, въ однородномъ же—жизнь, неразрушаемую смертію. Если хочешь взять и самого Моисея, воздѣяніемъ рукъ изображающаго крестъ и симъ знаменіемъ обращающаго въ бѣгство Амалика (Исх. 27, 11—13.), то можешь видѣть осуществленіе сего образа; и Амалика—покоряющимся кресту. Имѣешь и Исаію, не мало приносящаго тебѣ для уясненія настоящей благодати. Ибо отъ него ты преднаученъ о безневѣстной матери, о безотчей плоти, о безболѣзненной болѣзни раждающей, о нескверномъ рожденіи. Такъ говоритъ пророкъ: *се дѣва во чревь пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ, еже есть съ нами Богъ* (Ис. 7, 14, Матѳ. 1, 23.). Что же касается до того, что дѣторожденіе было безболѣзненно, то прежде узнай, что такъ и принадлежало сему быть. Такъ какъ всякое наслажденіе соединенось страданіемъ, то совершенно необходимо, чтобы когда изъ (сихъ) двухъ нераздѣльно

мыслимыхъ состояній, нѣтъ одного, не было и другаго; посему гдѣ страстное удовольствіе не предшествовало рожденію, тамъ не послѣдовало и болѣзни (рожденія). Потомъ эту мысль подтверждаетъ и пророческое слово, говоря такъ: *прежде неже прійти труду, чревоболнія избѣже, и породе мужескъ полъ* (Ис. 66, 7.); или, какъ сказалъ другой толкователь, прежде нежели мучилась родами, родила. Отъ этой, говоритъ пророкъ, Дѣвы Матери, *Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, его же начальство бысть на раиъ его, велика совѣта Ангелъ* и такъ далѣе. (Ис. 9, 6.). Сіе отроча, сей сынъ *яко овца на заколнїе ведеса, и яко огнецъ предъ стригущимъ его безмласенъ* (Ис. 53, 7.), лучше же, какъ сказалъ Іеремія, онъ *яко агня незлобное ведомое на заколеніе*. Онъ есть тотъ *хлѣбъ*, въ который *влагаютъ древо* враги хлѣба и древа (Іер. 11, 19.). Наиболе же очевидное и ясное указаніе получаемъ отъ пророка, чрезъ котораго ясно преднаписано таинство,—говорю объ Іонѣ, безвредно сокрывшемся въ китѣ и безъ болѣзни изшедшемъ изъ кита, и тремя днями и столькими же ночами, (проведенными) во внутренностяхъ кита, преднаписавшемъ пребываніе Господа во адѣ. (Іон. 2, 1—11.). Сіе и сему подобное надлежало бы изыскивать и выбирать изъ каждой книги Писанія; ибо все сіе видишь въ настоящемъ. На настоящемъ

свѣтломъ празднествъ *весь законъ и пророцы висятъ* (т. е. утверждаются), какъ говоритъ нѣгдѣ Евангеліе (Матѣ. 22, 40.), и всякое Боговдохновенное слово и законъ, по слову Павла, совершаются въ сей благодати (2 Тим. 3, 16.). Ибо здѣсь и конецъ страданій и начало благъ. Скажу наприимѣрь, — *царствова смерть отъ Адама* (Рим. 5, 14.), получивъ начало тлетворной силы; но ея злая держава продолжилась *и до Моисея*, и законъ нисколько не обуздаль злое могущество смерти. Пришло царство жизни, и разрушилась держава смерти; явилось иное рождение, другая жизнь, иной образъ жизни, претвореніе самой природы нашей. Сіе роженіе *не отъ крове, ни отъ похоти мужескія, ни отъ похоти плотскія, но отъ Бога произошло* (Юан. 1, 13.). Какъ же это? Ясно выскажу и представлю тебѣ сію благодать. Сей плодъ вѣрою чревоносится, возрожденіемъ крещенія изводится на свѣтъ; кормилица его есть церковь, сосцы, — наставленія; пища, — хлѣбъ свышне; совершеніе возраста, — высокая жизнь; бракъ — сожитіе съ мудростію: чада, — надежды; дома, — царство; насладіе и богатство, — наслажденіе въ раю, конецъ же, — вмѣсто смерти, жизнь вѣчная въ блаженствѣ предстоящемъ святымъ. И великій Захарія видитъ сіе начало перемѣны къ лучшему и сомнѣвается о нареченіи имени: какъ должно надлежащимъ образомъ назвать настоящую

благодать; потому что перечисляя другія чудеса, относящіяся къ страданію, говоритъ и то о семъ времени, что оно *не день и не ночь* (Зах. 14, 7.), чрезъ что показываетъ, что оно не можетъ быть названо днемъ; потому что нѣтъ солнца, и не есть ночь; потому что нѣтъ тмы; ибо какъ говоритъ Моисей: *Богъ тму нарече ночь* (Быт. 1, 5.). Итакъ поелику по времени—ночь; по свѣту же—день; то пророкъ и сказалъ: *и не день, и не ночь*.

Если же сіе время, по слову пророка, не есть ночь, то настоящая благодать именуется и есть нѣчто совершенно иное въ сравненіи съ симъ. Хотите ли скажу, что мнѣ пришло на мысль? *Сей* есть *день, его же сотвори Господь* (Ис. 116, 24), онъ,—иной, отличный отъ дней созданныхъ въ началѣ (Быт. 1, 5.), Ибо въ сей день творитъ Господь новое небо и землю новую, какъ говоритъ пророкъ (Ис. 65, 17.), Какое небо? Твердь вѣры во Христа. Какую землю? То есть благое сердце, какъ сказалъ Господь,—землю пьющую падающей на нее дождь и плодоносящую обильный колось (Евр. 6, 7.). Въ семъ твореніи солнце есть чистая жизнь, звѣзды — добродѣтели, воздухъ—свѣтлая общественная дѣятельность; море—глубина богатства мудрости и знанія, травы и произрастенія—доброе ученіе и божественные догматы, на которыхъ пасется народъ паствы, то есть стадо Божіе; плодоносныя

деревья—исполненіе заповѣдей. Въ семь твореніи созидается истинный человекъ, по образу и подобію Божію. Не новымъ ли міромъ кажется тебѣ сіе начало,—*день, его же сотвори Господь*,—день, о которомъ говоритъ пророкъ Захарія, что онъ ни день сравнительно съ другими днями, ни ночь сравнительно съ другими ночами? Но наше слово еще не возвѣстило превосходнѣйшаго о настоящей благодати. Она уничтожила скорбь смертную; она произвела первенца изъ мертвыхъ; ею сокрушены желѣзные врата смерти; ею уничтожены мѣдныя запоры ада. Нынѣ отверзается темница смерти; нынѣ плѣннымъ возвѣщается освобожденіе; нынѣ слѣпымъ дается прозрѣніе; нынѣ сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной посѣщаетъ Востокъ свыше (Лук. 1, 58; Ис. 9, 2.).

Желаете ли узнать что нибудь и относительно тридневнаго срока? Довольно узнать только то, что для всемогущей Премудрости, бывшей въ сердцѣ земли, для Господа, довольно было и столь малаго промежутка времени, чтобы оный великій умъ, въ ней обитающій, обьюродѣлъ; ибо такъ именуется его пророкъ, называя его великимъ умомъ и княземъ Ассирійскимъ (Ис. 10, 11.). Итакъ поелику сердце есть нѣкоторое жилище ума: ибо въ сердцѣ пребываетъ, какъ думаютъ, властвующая сила души; то посему Господь нисходитъ въ сердце земли, которое замѣняетъ небесное

жилище для онаго ума, чтобы содѣлать безумнымъ его совѣтъ, какъ говоритъ пророкъ (Ис. 19, 11.), уловить мудраго въ коварствѣ его и обратить противъ негоже его лукавыя предпріятія (Іов. 5, 12—13.). Начальнику тьмы невозможно было приблизиться къ пришедшему чистому свѣту, если бы онъ не узрѣлъ въ немъ нѣкоторой части плоти; по сему какъ скоро увидѣлъ богоносное тѣло, а вмѣстѣ увидѣлъ и содѣваемыя самимъ Божествомъ чудеса, то возимѣлъ надежду, что если чрезъ смерть овладѣетъ плотію, то овладѣетъ и всею въ ней находящеюся силою. И посему проглотивъ приманку плоти, пронзается удою божества, и такимъ образомъ змій приведенъ удою, какъ сказалъ Іовъ, предвозвѣстившій имѣвшее быть чрезъ него, говоря: *извлечеша ли змія удицею* (Іов. 40, 20.). Послушаемъ же у пророка, что замышляло противъ вселенной самое сердце земли, когда разверзло пасть на Господню плоть. Что говоритъ ему въ обличеніе Исаія? *Ты реклъ еси въ сердцѣ твоємъ: на небо възыду, выше облакъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему* (Ис. 14, 13—14.). Такъ замышляло о себѣ злое сердце. А какъ еще прежде сей великій во злѣ умъ, злой Ассиріянинъ, рассуждалъ съ собою, о томъ опять послушаемъ слова Исаіи: *сіе рече: крѣпостію руки моея сотворю, и премудростію разума отгнѣму предѣлы языковъ, и силу ихъ пльню:*

и сотрясу грады населенныя, и вселенную всю обилу рукою моею яко тнъздо, и яко оставленная яица возму и нльсть, иже убльжитъ мене, или противу мнль речетъ (Ис. 10, 13—14.). Съ такою надеждою онъ принимаетъ въ себя Того, кто по челоуколюбію низшелъ въ дольняя земли. А что съ нимъ было вмѣсто того, чего надѣялся, о томъ ясно повѣствуетъ пророчество, говоря о его страданіи: *како спаде съ небесе денница, како сокрушися на земли тотъ, которому подостлана инилость, котораго одеждою служить покровъ изъ червей (Ис. 14, 11—12.),* и прочее, что говорится о его гибели, что желающій можетъ съ точностію узнать изъ самыхъ писаній; мнѣ же нужно обратиться опять къ цѣли слова.

Для того истинная Премудрость и посѣщаетъ велерѣчивое сіе сердце земли, чтобы уничтожить въ ней великій во злѣ умъ и просвѣтить тьму; чтобы смертное было поглощено жизнью, а зло обратилось въ ничтожество, по истребленіи послѣдняго врага, который есть смерть (1 Кор. 15, 26.). Вотъ что совершено для тебя въ тридневный срокъ. Не медлительна благодать? Не въ очень продолжительное время совершено такое благо?—**Желаешь ли знать могущество силы, совершившей (столь многое) въ столь краткое время? Изчисли мнѣ всѣ мимошедшія поколѣнія людей, (начиная) отъ перваго появленія зла (въ мірѣ)**

и до его уничтоженія: сколько человѣкъ въ каждомъ поколѣнн и сколько тысячъ можно ихъ насчитать? Не возможно объять числомъ множествъ тѣхъ, въ которыхъ по преемству распространялось зло; худое богатство порока, раздѣляясь каждому изъ нихъ, каждымъ увеличивалось, и такимъ образомъ плодородное зло перешло въ непрерывно слѣдующія поколѣнн, разливаясь по множеству людей до безконечности, пока, дошедши до самаго крайняго предѣла, овладѣло всѣмъ человѣческимъ естествомъ, какъ прямо сказалъ пророкъ о всѣхъ вообще: *всеи уклонишася, вкупѣ неключими быша* (Пс. 13, 3.), и не было ничего въ сущемъ, что не было бы орудіемъ зла. Итакъ уничтожившій въ три дня такое скопленіе зла, собиравшееся отъ устройства міра до совершенія нашего спасенія чрезъ смерть Господа, — ужели малое далъ для тебя доказательство превосходной силы? Не сильнѣ ли оно всѣхъ (упоминаемыхъ) въ священннхъ повѣствованіяхъ чудесъ? Ибо какъ чудо Самсона тѣмъ особенно велико, что онъ не только одолѣлъ льва, но и безъ труда умертвилъ его голыми и невооруженными руками, какъ бы шутя разорвавъ звѣря; такъ и то, что Господь безъ всякаго труда уничтожилъ такую злобу, есть наисильнѣйшее доказательство превосходнаго могущества. Не потоки неизмѣримыхъ водъ, съ верхнихъ стремнинъ

падающіе внизъ, ни бездны, переполняющія собственные предѣлы и морями наводняющія землю, сокрывающія въ глубинѣ водъ всю вселенную, подобно кораблю съ людьми, дѣлающія подводными горы и затопляющія вершины горъ, ни потоки пламени по подобію Содома, огнемъ очищающіе развращенное, ни чтонибудь другое подобное, но одно простое и непостижимое пришествіе Жизни и присутствіе Свѣта для сидящихъ во тмѣ и тѣни смертной, произвело полное исчезновеніе и уничтоженіе тмы и смерти. Прибавить ли чтонибудь еще къ сказанному? Зло зародилось въ змѣ; искушеніемъ змія побѣждена жена; за тѣмъ женою побѣжденъ мужъ; зло получило бытіе чрезъ троихъ. Къ чему я вспоминаю объ этомъ? Изъ порядка въ злѣ можно уразумѣть нѣкоторый порядокъ добра. Замѣчаю сіи три сосуда зла: первый, въ которомъ (зло) сначала образовалось; второй, въ который перешло; третій, въ которомъ послѣ возрасло. Итакъ поелику зло распространилось въ сихъ трехъ (сосудахъ), то есть въ діавольскомъ естествѣ, въ женскомъ полѣ, и въ совокупности мужей; то посему и болѣзнь уничтожается соотвѣтственно съ симъ въ три дня; каждому роду заболѣвшихъ зломъ на врачеваніе отдѣляется одинъ день: въ одинъ день освобождаются отъ болѣзни мужи; въ другой—врачуется женскій полъ; въ послѣдній,

упраздняется послѣдній врагъ,—смерть и вмѣстѣ съ нимъ уничтожаются его сопутники: начала, власти и силы враждебныхъ и первенствующихъ силъ (зла). Не удивляйся, что созданіе добра раздѣляется временными промежутками. Ибо и при первомъ произведеніи міра божественная сила не слаба была, чтобы во мгновение совершить все сущее; но не смотря на то при созиданіи сущаго опредѣлила быть и временнымъ промежуткамъ. И какъ тамъ, въ первый день совершена часть творенія, а во второй—другая, и за тѣмъ по порядку такимъ же образомъ совершено все сущее, такъ что Богъ въ опредѣленные дни благоустроилъ все твореніе; такъ и здѣсь по неизглаголанной мысли его премудрости, въ три дня изгоняется зло изъ существующаго,—изъ мужей, изъ женъ и изъ рода змій, въ которыхъ первыхъ получило бытіе естество зла.

Впрочемъ о причинѣ числа дней мы только предполагаемъ это; вѣрно сіе или нѣтъ, оставимъ на судъ слушателей; ибо слово (наше) не есть рѣшеніе, но упражненіе и изысканіе. Если же хочешь точно узнать опредѣленный срокъ этихъ дней страданія, (ибо въ числѣ не малаго не достанетъ, если станешь считать время съ девятаго часа пятницы, въ который (Господь) предалъ духъ въ руки отчія); то нѣсколько помедли, и можетъ быть слово объ-

яснить тебѣ это. Какое же слово? Обрати взоръ на величіе божественной силы, и узнаешь то, о чемъ здѣсь спрашиваешь. Вспомни объ изреченіи Господнемъ, что объявляетъ о Себѣ имѣющій державу надъ всѣмъ, какъ самодержавною властію, а не по необходимости естественной Онъ разлучаетъ душу отъ тѣла. Онъ говоритъ: *никто же возметъ душу Мою, но Азъ полагаю ю о Себѣ. Область имамъ положить ю, и область имамъ паки пріяти ю.* (Іоан. 10, 18.). Какъ скоро это мнѣ твердо извѣстно, то и искомое уясняется. Ибо всѣмъ Правящій совладычнымъ самовластіемъ не ждетъ принужденія (къ страданію) отъ предательства, не ожидаетъ для того разбойническаго нападенія Іудеевъ, ни незаконнаго суда Пилатова, чтобы ихъ злоба была началомъ и причиною общаго спасенія людей; но своимъ домостроительствомъ самъ предупреждаетъ ихъ наступленіе способомъ священнодѣйствія неизреченнымъ и людьми невиданнымъ, самаго Себя приносить въ приношеніе и жертву за насъ, будучи вмѣстѣ священникомъ и агнцемъ Божиимъ, вземлющимъ грѣхъ міра. Когда же это? Когда предложивъ ядомое тѣло Свое въ пищу, ясно показалъ, что жертвоприношеніе агнца уже совершилось. Ибо жертвенное тѣло не было бы пригодно къ яденію, если бы было еще одушевлено. Итакъ когда (Господь) преподаль ученикамъ тѣло для яденія и кровь для

литія, то свободою властію Домостроителя таинства тѣло Его неизреченно и невидимо уже было принесено въ жертву, а душа была въ тѣхъ мѣстахъ, куда пренесла ее власть Домостроительствующаго, вмѣстѣ съ соединенною съ нею божественною силою; она обходила оную страну въ сердцѣ (земли). Итакъ считающій время отъ того часа, когда Богу принесена была жертва великимъ Архіереемъ, неизглаголанно и невидимо священнодѣйствовавшимъ Себя самага, какъ агнца, за общій грѣхъ, не погрѣшитъ противъ истины. Ибо былъ вечеръ, когда сиѣдено было сіе священное и святое тѣло. За симъ вечеромъ послѣдовала ночь предъ пятницею. Далѣе—день пятницы, разсѣченный вводною ночью, раздѣляется на одну ночь и два дня. Ибо если Богъ *тму нарече ночь* (Быт. 1, 5.), а въ продолженіи трехъ часовъ была тма по всей вселенной, то эта тма и есть ночь, новораздѣлившая день по срединѣ, разграничившая собою два отдѣла дня, одинъ, — отъ разсвѣта до шестаго часа, другой, — отъ девятаго (часа) до вечера. Такимъ образомъ доселѣ было два дня и двѣ ночи. Далѣе,—ночь предъ субботою и съ нею день субботы, — ты имѣешь три ночи.

Наконецъ изслѣдуй время воскресенія, и найдешь истину сказаннаго. Когда послѣдовало воскресеніе? *Вз вечеръ субботный* —

провозглашаетъ Матеей (Матѣ. 28, 1.). Итакъ вотъ (самый) часъ воскресенія по гласу Ангела. Вотъ предѣлъ пребыванія Господа въ сердцѣ земли. Ибо когда былъ уже глубокой вечеръ, начинавшій собою ту ночь, за которою послѣдовалъ первый изъ (послѣ) субботнихъ дней; тогда произошло землетрясеніе; тогда блистающій одедами Ангелъ отвалилъ камень надгробный. А жены вставшія незадолго до утра, когда уже появлялся дневной свѣтъ, такъ что показывалось и нѣкоторое сіяніе восходящаго солнца, возвѣщаютъ уже совершившееся воскресеніе; о чудѣ онѣ узнали, часъ же не былъ имъ открытъ. Ибо Ангелъ сказалъ имъ, что Господь возсталъ, а когда,—въ словѣ (своемъ) не прибавилъ. Но великій Матеей одинъ изъ всѣхъ Евангелистовъ точно обозначилъ время, говоря, что вечеръ субботный былъ часомъ воскресенія.

Если же такъ, то срокъ по нашему счисленію соблюденъ, когда мы будемъ считать отъ вечера четвертка до вечера субботы, вставляя, какъ сказано, ночь, раздѣляющую пятницу на два дня и одну ночь. Ибо Властвующему своимъ могуществомъ надъ самымъ вѣкомъ прилично было (содѣлать), чтобы не дѣла Его по необходимости сообразовались съ установленными для времени мѣрами, но чтобы мѣры времени дѣлились поновому порядку сообразно потребности сущаго, и чтобы, когда боже-

ственная сила въ кратчайшій срокъ совершаетъ дѣло благое, и мѣры времени укорачивались бы. Такимъ образомъ и времени прошло не менѣе трехъ дней и столькихъ же ночей, (потому что этого числа требуетъ таинственная и неизглаголанная причина),—и божественная сила, въ выжиданіи обычныхъ промежутковъ дней и ночей, невстрѣтила препятствія для скорости дѣйствованія. Ибо Имѣющій власть и положить душу свою *о Себѣ* и опять воспріять, когда хотѣлъ, какъ Творецъ вѣковъ, имѣлъ власть въ своихъ дѣлахъ не быть подвластнымъ времени, но устроить время сообразно съ дѣлами.

Но слово еще не коснулось самаго главнаго вопроса. Болѣе любознательнымъ естественно спросить: какимъ образомъ Господь въ одно и тоже время могъ быть въ сихъ трехъ: въ сердцѣ земли, въ раю съ разбойникомъ и въ рукахъ Отца. Ибо Фарисеямъ Онъ говоритъ: *яко же бѣ Иона во чревь китовъ: тако будетъ и Сынъ человеческій въ сердцѣ земли въ продолженіи трехъ дней* (Матѣ. 12, 40.); разбойнику: *днесъ со мною будешь въ раи* (Лук. 23, 43.); Отцу же: *въ руцѣ твои предаю духъ Мой* (ст. 46.). Но ни въ преисподней нѣтъ никакого рая, ни преисподней въ раю, такъ чтобы въ тоже время можно было быть въ обоихъ, или называть ихъ руками Отца. Для благочестиво разсуждающихъ

это, быть можетъ, и изслѣдованія не заслуживаетъ. Ибо вездѣ сущій божественною силою и всюду присутствуетъ, и ни отъ чего не удаляется. Я же, изучая этотъ предметъ, пришелъ къ другой еще мысли, которую для желающихъ изъ васъ изложу кратко. Когда Духъ Святый низшелъ на Дѣву и сила Вышняго осѣнила ее (Лук. 1, 35.), чтобы образовать въ ней новаго человѣка, (потому названнаго новымъ, что созданъ по Богу, а не по человѣческому обыкновенію), чтобы быть нерукотвореннымъ вмѣстилищемъ Бога, (ибо *Всевышній не въ рукотворенныхъ, то есть не въ людьми приготовленныхъ, храмьхъ живетъ* (Дѣян. 17, 24.): тогда вмѣстѣ съ тѣмъ какъ Премудростію самую устроенъ былъ домъ (Притч. 9, 1.) и осѣненіемъ Силы, какъ бы наложеніемъ печати извнутри довершено было его образованіе, божественная сила соединяется съ обѣими составными частями человѣческой природы, то есть съ душою и тѣломъ, соотвѣтственно сочетавшись съ тою и другимъ. Ибо такъ какъ обѣ сіи части поражены были смертію чрезъ преслушаніе, (для души омертвѣніе состояло въ удаленіи ея отъ дѣйствительной жизни; для тѣла же въ тлѣніи и разрушеніи); то нужно было изъ обѣихъ ихъ изгнать смерть примѣшеніемъ жизни. Итакъ по соединеніи Божества съ каждой изъ частей человѣка, въ обѣихъ явились ясные признаки

всепревосходящаго естества. Ибо тѣло обнаруживало (находящееся) въ немъ Божество, совершая исцѣленія чрезъ прикосновеніе, душа показывала божественную силу могущественною оною волею. Ибо какъ тѣлу свойственно ошущеніе чрезъ прикосновеніе, такъ душѣ, — движеніе посредствомъ воли. Приходитъ проказенный, уже разлагающійся и невлаждѣющій тѣломъ; какъ изцѣляется онъ Господомъ? Душа желаетъ, тѣло «касается. И болѣзнь тѣмъ и другимъ образомъ изгоняется. Ибо тотчасъ, какъ написано, оставила его» проказа (Матѣ. 8, 3.). ⁽¹⁾ Опять, — Онъ не желаетъ отпустить голодными многія тысячи, бывшія при Немъ въ пустынь, а руками преломляетъ хлѣбы. Видишь ли, какъ Божество, соприсутствующее обѣимъ (частямъ), обнаруживается въ каждой, — въ тѣлѣ дѣйствіемъ, въ душѣ стремленіемъ ея воли. И что нужды перечислять самыя чудеса, всѣ совершаемыя подобнымъ образомъ, и обременять слово извѣстнымъ? Перейду къ тому, для чего упомянулъ о сказанномъ. Какъ Господь въ то же время былъ въ аду и въ раю? Одно разрѣшеніе этого вопроса: нѣтъ ничего недоступнаго для Бога, *въ немъ же всяческая состоится* (Колос. 1, 17,). Другое

(1). Здѣсь въ изданіи твореній Святаго Григорія на Греческомъ находится пропускъ. Слова означенныя вносными знаками дополнены по Латинскому переводу.

же то, къ которому клонится теперь наше слово: такъ какъ Богъ измѣнилъ (*μεταβηύσαντος*) всего (воспріятаго имъ) человѣка въ божественное естество чрезъ соединеніе съ нимъ; то и во время страданія по домостроительству не отступилъ ни отъ одной изъ частей, съ коими однажды соединился: *не раскаянна бо дарованія* Божіи (Римл. 11, 29.). Хотя Божество добровольно разлучило душу отъ тѣла, но показало, что оно пребываетъ въ обоихъ. Ибо тѣломъ, которое не приняло тѣлнія смерти, оно сокрушило имущаго державу смерти (Евр. 2, 14.); душою же открыло разбойнику входъ въ рай: то и другое дѣлается въ одно время и божество совершаетъ благо чрезъ ту и другую (части человѣка): чрезъ нетѣлніе тѣла — уничтожаетъ смерть, чрезъ душу же, восходящую къ собственному своему жилищу, — возвращаетъ людей въ рай. Итакъ поелику составъ человѣческій двойственъ, а Божественное естество просто и единовидно; то и во время разлученія тѣла отъ души недѣлимое не раздѣляется вмѣстѣ съ сложнымъ; но напротивъ пребываетъ тѣмъ же. Ибо единствомъ Божескаго естества, равно присущаго какъ въ тѣлѣ, такъ и душѣ, разрозненное, опять соединяется вмѣстѣ. И такимъ образомъ смерть происходитъ отъ раздѣленія соединеннаго, воскресеніе же, — отъ соединенія раздѣленнаго, Если же спросишь, какимъ образомъ будучи

въ раю, Господь передаетъ Себя въ руки Отца, то искомое объяснить тебѣ высокій Исаія. Ибо онъ отъ лица Божія о горнемъ Иерусалимѣ, который, какъ вѣруемъ мы, есть не иное что, какъ рай, говоритъ: *се на рукахъ моихъ написанъ стѣны твоя* (Ис. 49, 16.). Итакъ если Иерусалимъ, который есть рай, написанъ на рукахъ Отца, то ясно, что вступившій въ рай, совершенно вселяется въ дланяхъ Отчихъ, на которыхъ и божественный городъ имѣеть (свое) начертаніе. Объ этомъ довольноно.

Стоитъ вкратцѣ сказать и о томъ, что слышимъ отъ Іудеевъ, сильно нападающихъ своими обвиненіями на (нашъ) догматъ. Говорятъ они, что въ постановленіи о пасхѣ Іудеямъ заповѣдано Моисеемъ не только праздновать четырнадцатый періодъ луннаго теченія, но и семь дней вкушать опрѣсноки, а приправу къ опрѣснокамъ дѣлать изъ горькихъ травъ. Итакъ, говоритъ Іудей, если вы такъ заботливо наблюдаете четырнадцатый день, то соблюдайте вмѣстѣ съ тѣмъ и горькія травы и опрѣсноки; если же этимъ можно пренебрегать, то за чѣмъ заботиться о празднованіи того дня? Ибо нельзя у того же самаго законодателя одно почитать справедливымъ и душеполезнымъ, а другое неполезнымъ и заслуживающимъ отверженія; такъ что необходимо или исполнять намъ все заповѣданное о пасхѣ, или не держаться ничего. Что же мы скажемъ?

Вспомнимъ, что Господь училъ насъ не бояться поношенія отъ людей и не смущаться ихъ порицаніемъ (Матѣ. 5, 11.). Извѣстна намъ душеполезность соблюденія опрѣсноковъ, польза горькихъ травъ и четырнадцатаго дня. А въ какомъ смыслѣ,—коротко разсмотримъ. Законъ *снѣль ильмій грядущихъ благъ* (Евр. 10, 1.) имѣетъ въ виду преимущественно одну цѣль—какъ бы посредствомъ различныхъ постановленій очистить человѣка отъ приѣшавшагося къ нему зла. Сіе исполняется въ обрѣзаніи, въ субботѣ, въ наблюденіи пищи, въ различныхъ жертвоприношеніяхъ животныхъ, въ соблюденіи каждаго (предписанія) закона. И долго было бы съ точностію излагать все то, на что въ частности указываетъ намъ гадательно законъ относительно очищенія жизни. Посему какъ чрезъ обрѣзаніе, совершаемое духовно, природа отлагаетъ страстность, будучи усѣкаема въ жизни плотяной; какъ чрезъ субботствованіе она научается недѣланію зла; какъ закланіе въ жертву животныхъ закаляетъ страсти, а узаконенное относительно свѣдей отдѣленіе нечистаго побуждаетъ тебя къ отчужденію отъ грязной и нечистой жизни: такъ и сей самый праздникъ указываетъ тебѣ на тотъ праздникъ, къ которому душа готовится чрезъ опрѣсноки, въ теченіи семи дней воздержанія отъ яденія кваснаго. Значеніе же сихъ (дней) таково: седмидневное

число указываетъ тебѣ на сіе преходящее время, возвращающееся понедѣльно, когда ты долженъ заботиться, чтобы на наступающій день не сохранить никакого остатка вчерашней злобы, чтобы (примѣсь) злобы прошлаго дня не произвела какого кваса или кислоты въ сегодняшнемъ смѣшеніи. *Солнце да не зайдетъ во мльвь вашема* (Ефес. 4, 26.), говоритъ Апостоль, повелѣвающій праздновать *не въ квась ветсь, ни въ квась злобы и лукавства, но въ безквасиухъ чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8.). А что узнали мы объ одномъ видѣ злобы, то, какъ извѣстно намъ, относится и до остальныхъ видовъ ея. Что же касается до употребленія горькихъ травъ, то горечь изгоняетъ испорченность и распушенность въ жизни, вводитъ же напротивъ жизнь воздержную, строгую и непріятную для чувства; поелику *всякое наказаніе не мнитъ въ настоящее время радость быти, но печаль* (Евр. 12, 11.).

Итакъ, кто во всю седмицу сей жизни всегда проводитъ настоящій день безъ примѣси и кваса ветхой злобы, дѣлая приправою жизни воздержаніе, тотъ отстраняетъ отъ себя всякую примѣсь тьмы. На сіе указываетъ четырнадцатый (день) луннаго теченія. Поелику кругъ теченія луны состоитъ изъ двадцати девяти дней съ половиною, въ которые луна, отъ новомѣсячія чрезъ приращеніе достигши полноты, опять чрезъ ущербъ доходитъ до

совершеннаго изчезновенія свѣта; то ясно, что половина упомянутаго числа есть четырнадцатый день и еще немного. Луна тогда бываетъ въ такомъ видѣ, что совершивъ свойственное ей теченіе въ продолженіе ночи она продолжаетъ свое круговращеніе еще на нѣсколько времени, и полная свѣтомъ смѣшиваетъ свое сіяніе со свѣтомъ дневныхъ лучей, такъ что ни вечеромъ, ни утромъ никакой промежутокъ темноты не разсѣкаетъ непрерывности свѣта и, не смотря на преемство дня и ночи, свѣтъ не раздѣляется (тьмою). Ибо прежде, чѣмъ солнечный лучъ совершенно скроется на противоположной сторонѣ, тотъ часъ является луна и своимъ свѣтомъ озаряетъ землю; и опять,—прежде, чѣмъ кругъ ея совершенно зайдетъ за горизонтъ, съ остатками луннаго свѣта смѣшивается дневное сіяніе. Такимъ образомъ въ сей день полнолунія тьма уничтожается и утро и вечеръ озаряется преемствомъ свѣтилъ. Итакъ, что случается съ чувственнымъ свѣтомъ въ четырнадцатый день, когда не допускается примѣси тмы во всю ночь и день, то духовный законъ желаетъ сдѣлать символомъ для духовно-празднующихъ, чтобы они всю жизненную седмицу,—все время своей жизни, содѣлывали одною пасхою свѣтлою и неомраченною. Вотъ значеніе предписаній о пасхѣ для Христіанъ. Для сего мы и наблюдаемъ четырнадцатый день, чрезъ

чувственный сей и вещественный свѣтъ восходя къ представленію невещественнаго и мысленнаго; такъ что повидимому мы обращаемъ вниманіе на полную луну, озаряющую насъ достаточнымъ свѣтомъво всю ночь, на самомъ же дѣлѣ видимъ здѣсь законъ для насъ состоящій въ наблюденіи, чтобы все время, измѣряемое ночью и днемъ, было у насъ непрерывно свѣтло и свободно отъ примѣси мрачныхъ дѣлъ. И о семъ достаточно.

А всѣ тѣ мысли, къ которымъ приводитъ насъ крестъ, чрезъ который совершилось таинство страданія, можно ли кому либо легко изъяснить словомъ? Ибо, не было ли безчисленнаго множества способовъ, ведущихъ къ смерти, чрезъ которые могло бы исполниться домостроительство о насъ смертію? Но изъ всѣхъ (видовъ смерти), самовластно Опредѣлившимъ самому Себѣ страданіе, назначенъ сей. Ибо *подобаетъ сыну человѣческому* (Марк. 8, 31.). Несказалъ, — то и то претерпѣть Сынъ человѣческій, какъ бы просто сказалъ кто нибудь, предсказывая то о чемъ говорилъ; но утверждаетъ, что сему необходимо нужно быть по нѣкоей неизреченной причинѣ, говоря, что *подобаетъ Сыну человѣческому много пострадати и искушену быти и быть распяту и въ третій день воскреснути* (Марк. 8, 31.). Уразумѣй со мною значеніе слова *подобаетъ*, изъ котораго открывается рѣшительно, что

страданіе именно никакъ не должно было совершиться иначе, какъ чрезъ крестъ. Какая же причина сего? Одному великому Павлу, наученному неизрѣченными глаголами, которые онъ, посвященный въ тайны рая, слышалъ тамъ, свойственно уяснить и сіе таинство, какъ онъ въ словахъ къ Ефесеянамъ отчасти и даетъ уразумѣть сокровенное, говоря: *да возможете разумѣти со всми святыми, что широта и долота и глубина и высота. Разумѣти же пресплюющую разумъ любовь Христову, да исполнитесь во всяко исполненіе Божіе* (Ефес. 3, 18. 19.). Ибо не напрасно божественное оное око Апостола мысленно узрѣло (здѣсь) образъ креста; но чрезъ сіе (Апостоль) ясно показалъ, что всякій отринувъ отъ глазъ чешую невѣдѣнія, чисто увидитъ самую истину. Ибо онъ зналъ, что образъ креста, представляющій четыре выступа соединенные по срединѣ, обозначаетъ на все простирающуюся силу и промышленіе Того, Кто на немъ явился; и посему каждому выступу даетъ отличительное названіе: глубиною именуя то, что идетъ внизъ отъ середины, высотой то, что находится сверху, широтою же и долготою то, что поперегъ простирается въ обѣ стороны отъ связи, такъ что (часть) въ ту сторону отъ середины называется широтою, а въ другую сторону, — долготою. Чрезъ это, мнѣ кажется, ясно обозначается словомъ то, что

нѣтъ ничего существующаго, что бы неoder-
жимо было Божескою природою,—и небесное
и подземное и отовсюду простирающееся по-
срединѣ до предѣловъ сущаго. Ибо высотой
означается горнее, глубиною, — подземное,
долготою и широтою все, что заключается
въ срединѣ и что держится всеѣмъ управляю-
щею силою. Доказательствомъ сказаннаго
пусть будетъ то, что происходитъ въ душѣ
твоей, при мысли о Богѣ. Ибо возри на
небо, представь въ умѣ дольнія глубины,
простири свою мысль до широты и до пре-
дѣловъ всего существующаго, и подумай,
какова сила содержащая все сіе, служащая
какъ бы нѣкоторою связью всего,—и увидишь,
какъ мысль о божеской силѣ сама собою на-
чертываетъ въ умѣ образъ креста, отъ гор-
няго низходящій въ бездну и до крайнихъ
предѣловъ простирающійся поперегъ.

Сей-то образъ (креста) воспѣлъ и великій
Давидъ говоря о себѣ: *камо пойду отъ Духа
твоего? и отъ лица Твоего камо блъзну? Аще
взыду на небо, вотъ высота: аще спиду во адъ,—
вотъ глубина; аще возму криль мои рано* (разу-
мѣется востокъ солнечный),—вотъ широта,
если *вселюся въ послѣднихъ моря* (такъ онъ
называетъ западъ),—вотъ долгота (Пс. 138,
7—9). Видишь, какъ словами живописуетъ онъ
образъ креста? Ты, говоритъ, проникаешь все,
связуешь все сущее и объемлешь Собою все

концы, горѣ Ты находишься, внизу Ты присутствуешь, въ семь концѣ присуца рука Твоя, и въ другомъ указываетъ путь десница твоя. Посему и великій Апостоль говоритъ, что когда все исполнится вѣры и вѣдѣнія, тогда Сущій превыше всякаго имени, о имени исуса Христа получить поклоненіе отъ *небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10.). Опять и здѣсь, соотвѣтственно образу креста, (Апостоль) раздѣляетъ поклоненіе кресту. Ибо превышемірная область въ верхней части креста воздаетъ поклоненіе Владыкѣ, міровая часть въ срединѣ, преисподняя же соотвѣтствуетъ нижней части (креста). Тоже означаетъ, по моему мнѣнію, и *iota* въ соединеніи съ *чертою*, оказывающаяся тверже неба, постояннѣе земли и крѣпче всего состава сущаго. Небо и земля мимо идетъ (Матѣ. 24, 35.) и всего міра образъ *преходитъ* (1 Кор. 7, 32.); *iota* же изъ закона и *черта* не *прейдеетъ* (Матѣ. 5, 18.). Опущенная къ низу линія, нисходящая сверху внизъ, именуется *iota*, а проводимая продольно поперегъ называется *черта*, какъ сему можно научиться и отъ мореплавателей; потому что дерево, лежащее поперегъ мачты, на которой распускаютъ парусъ, именуютъ чертою (*κεραία*), называя (его такъ) по его виду. Посему кажется мнѣ, божественныя слова Евангелія, подъ образомъ креста, гадательно и какъ бы въ зеркалѣ имѣютъ въ

виду указать на то, въ чемъ все имѣеть бытіе, что болѣе вѣчно, чѣмъ содержащееся въ немъ, и сила чего сохраняетъ все сущее. Посему-то и говорить, что *подобаетъ Сыну человѣческому*,—не просто умереть, но быть *распяту*, чтобы крестъ для болѣе пронизательныхъ былъ богословомъ, чрезъ (свой) образъ возвѣщающимъ всеильную власть явившагося на немъ и сущаго вся во всемъ.

Не умолчимъ, братіе, и о благообразномъ совѣтникѣ, Юсифѣ Аримаѳейскомъ, который взявши тѣло Господа, чистый и святой даръ, обвиваетъ его чистою плащаницею и полагаетъ въ чистомъ гробѣ. Дѣло сего благообразнаго совѣтника да будетъ для насъ закономъ, чтобы и мы подобнымъ образомъ, когда приедемъ оный даръ тѣла, не совѣтовали себѣ принимать (его) въ оскверненную плащаницу совѣсти и полагать въ смрадномъ отъ мертвыхъ костей и всякой нечистоты гробѣ сердца. Но, какъ говоритъ Апостоль, пусть каждый испытываетъ себя, чтобы благодать не была во осужденіе недостойно принимающему ее (1 Кор. 11, 28—29.).

Но, говоря сіе я вдругъ чувствую себя пораженнымъ свѣтоносною одеждою Ангела, и потрясаетъ радостію мое сердце оное вожделенное землетрясеніе, отваливающее тяжелый камень человѣческой гробницы, отверзающее всѣмъ дверь воскресенія. Потечемъ

и мы къ сему зрѣлищу необычайнаго чуда. Ибо суббота уже прошла, не останемся позади женъ. Въ нашихъ рукахъ да будутъ и ароматы: вѣра и совѣсть; ибо это благоуханіе Христово. Не станемъ уже искать живаго съ мертвыми, ибо ищущаго такимъ образомъ отрѣваетъ Господь, говоря: *неприкасайся Мнѣ* (Іоан. 20, 17.); но когда взойду ко Отцу, тогда тебѣ можно прикоснуться. Послушаемъ, что благовѣтствуетъ и жена, вѣрою предупредившая мужа и хорошо сіе сдѣлавшая, чтобы предвареніемъ въ добрѣ оправдаться въ причиненіи зла. Что же благовѣтствуетъ жена? Подлинно *ни отъ человѣковъ ни чрезъ человѣковъ, но Іисусъ Христосъ* (Галат. 1, 1.). Ибо послушайте, говоритъ мироносица, что Господь повелѣлъ намъ сказать вамъ, которыхъ Онъ и братьями своими называетъ: *восхожду къ Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17.), О прекрасное и благое благовѣстіе! Сдѣлавшійся для насъ подобнымъ намъ, чтобы, будучи намъ сроднымъ, сдѣлать насъ Своими братьями, приводитъ Свое человѣчество къ истинному Отцу, чтобы Собою привлечь все сродное, чтобы впредь никто не укорялъ насъ, что мы служили *не по естеству сущимъ богамъ* (Галат. 4, 8.), потому что мы снова приведены къ живому и истинному Богу, и чтобы мы не были отвергнуты и лишены отеческаго наслѣдія, чрезъ

усыновленіе послѣдовавъ за Сыномъ. Содѣлавшій Себя чрезъ воплощеніе первороднымъ *во многихъ братіяхъ* (Рим. 8, 29.) привлекъ всю тварь, которой приобщился, въ принятой на Себя плоти. Но тогда какъ предъ пасхою прѣсный хлѣбъ имѣлъ приправою горечь, мы видимъ, что послѣ воскресенія хлѣбъ направляется нѣкоторою сладкою снѣдію. Видишь ли, при ловленіи Петромъ рыбы, хлѣбъ и соты медовые въ рукахъ Господа? Подумай, что готовить тебѣ горечь жизни? И такъ и мы, оставши отъ словесной ловитвы, приступимъ теперь къ хлѣбу, услаждаемому сотами благой надежды, во Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О

НА СВЯТУЮ ПАСХУ О ВОСКРЕСЕНІИ; СКАЗАНО ВЪ
ВЕЛИКІЙ ДЕНЬ ВОСКРЕСНЫЙ.

Бѣдные люди, любящіе праздники и желающіе почтить торжества душевнымъ усердіемъ и праздничною одеждою, если сами не имѣютъ достаточныхъ средствъ приобрѣсти себѣ свѣтлыя украшенія, о которыхъ заботятся собираютъ всякія дорогія вещи у родныхъ и знакомыхъ и достигаютъ того, что не имѣютъ ни въ чемъ недостатка для предполагаемаго употребленія. Въ такомъ же, кажется, положеніи нахожусь и я для настоящаго дня. Ибо не имѣя ничего драгоцѣннаго, чтобы самъ отъ себя могъ собрать для лежащихъ славословіи, прибѣгну къ священной пѣсни, которую мы недавно воспѣли. За тѣмъ воспользовавшись ею какъ поводомъ, вынужденъ долгу, присовокупивъ къ реченіямъ священнаго писанія и свои слова, если только у бѣднаго раба найдутся для Владыки какія либо благодарственныя хвалы. Итакъ, сказалъ не-

давно Давидъ и мы вмѣстѣ съ нимъ: *хвалите Господа вси языцы, похвалите Его вси людѣ* (Пс. 116, 1.). Призываетъ онъ къ пѣнію всякаго человѣка происшедшаго отъ Адама; никого не оставляетъ не призваннымъ; но западныхъ, восточныхъ, живущихъ вблизи тѣхъ и другихъ или въ сосѣдствѣ съ сѣверомъ и обитателей полудня,—всѣхъ вмѣстѣ созываетъ этимъ псалмомъ. Въ другихъ мѣстахъ обращаетъ рѣчь частно, къ нѣкоторымъ людямъ, или святыхъ призывая, или возбуждая къ пѣснопѣнію дѣтей; въ настоящемъ же случаѣ собираетъ своею псалтирью языки и народы. Ибо когда, по слову Апостола, *прейdetъ образъ міра сего* (1 Кор. 7. 31.) и явится всѣмъ Царь и Богъ, — Христось, вполне убѣдивъ всякую невѣрующую душу, обуздавъ хульный языкъ, прекративъ и суесловіе Елминовъ и заблужденіе Іудеевъ, и неукротимую болтливость ересей; тогда всѣ языки и народы отъ начала вѣка, преклонившись воздадутъ Ему безспорное поклоненіе; тогда произойдетъ нѣкая дивная симфонія славословія, слагающаяся изъ обычныхъ пѣснопѣній Святыхъ и невольно жалобныхъ воплей нечестивыхъ. Тогда всѣми согласно воспоется истинно побѣдная пѣснь, и побѣжденными и побѣдителями. Тогда виновникъ мятежа, возмечтавшій о достоинствѣ Владыки, явится предъ очами всѣхъ рабомъ непрестанно бичуемымъ, влекомымъ на

казнь Ангелами, и всѣ служители и пособники его злобы подвергнутся приличнымъ имъ наказаніямъ и казнямъ; а явится одинъ Царь и Судія, котораго всѣ признають общимъ своимъ Владыкою. Наступить же тогда тишина, какъ бываетъ тогда, когда начальникъ сидитъ на судейскомъ мѣстѣ, глашатай подаетъ знакъ къ молчанію, а люди напрягаютъ и зрѣніе и слухъ въ ожиданіи услышать, что будетъ имъ возвѣщено. Посему *хвалите Господа вси языцы, похвалите Его вси людіе*. Хвалите какъ сильнаго; похвалите какъ человѣколюбиваго, потому что Онъ павшихъ и мертвыхъ вновь оживотворилъ, поврежденный сосудъ опять возобновилъ и непріятнаго вида останки, во гробахъ находящіеся, преобразовалъ человѣколюбиво въ нетлѣнное живое существо, и душу, за четыре тысячи лѣтъ оставившую тѣло, какъ бы изъ долгаго странствованія возвелъ въ свое жилище,—душу, которая отъ времени и забвенія нисколько не стала чуждою собственнаго своего органа, но быстро устремилась къ нему, какъ птица къ собственному гнѣзду.

Выскажемъ особенности праздника, чтобы, какъ слѣдуетъ, и соотвѣтственно дѣлу, праздновать оный. Ибо несоотвѣтственное и чуждое, кромѣ того, что не приноситъ никакой пользы, составляетъ нарушеніе порядка и приличія не только въ рѣчахъ, имѣющихъ предметомъ служеніе Богу и благочестіе, но и въ тѣхъ,

кой относятся до внѣшней и мірской мудрости. Ибо ужели найдется столь неразумный и смѣшной риторъ, который, будучи позванъ на свѣтлое торжество брака, оставитъ приличную и блестящую, сочувственную радости праздника, рѣчь, а начнетъ жалобно пѣть плачевныя пѣсни и оглашать брачные покои печальными разказами о несчастіяхъ описываемыхъ въ трагедіяхъ? Или напротивъ, получивъ приказаніе исполнить долгъ при гробѣ умершаго, ужели забудетъ о скорби и станетъ говорить веселія рѣчи предъ собраніемъ исполненнымъ печали? Если же въ мірскихъ рѣчахъ хорошъ порядокъ и знаніе дѣла, то гораздо болѣе приличны они, когда дѣло идетъ о великомъ и небесномъ.

Итакъ сегодня возсталъ Христосъ, Богъ, безстрастный, безсмертный; (удержись на малое время язычникъ; оставь необдуманнѣй смѣхъ, пока не выслушаешь всего); не по необходимости страдалъ Онъ, не насильно принужденъ былъ низойти съ небесъ; несверхъ ожиданія обрѣлъ Онъ воскресеніе, какъ нечаянное благодѣяніе, но зналъ конецъ всѣхъ вещей, и такимъ образомъ положилъ начало, силою своего Божественнаго прозрѣнія вѣдая о томъ, что подлежало Ему, и прежде чѣмъ снизойти съ небесъ видя и мятежь народовъ и жестокосердіе Израиля, и Пилата предсѣдательствующаго на судѣ, и Каиафу разстерзы-

вающаго свою одежду, и мятежный народъ пламенѣющій гнѣвомъ, и Иуду предающаго Его, и Петра Его защищающаго, вѣдая, что немного спустя и самъ воскресеніемъ преобразится въ славу нетлѣнія. И имѣя все будущее предначертаннымъ въ своемъ вѣденіи, не отложилъ дарованія благодати человѣку и не отсрочилъ домостроительства (спасенія); но какъ тѣ, кои видя слабаго, увлекаемаго потокомъ, по состраданію къ подвергшемуся опасности, не медлятъ бросится въ потокъ, хотя знаютъ, что и грязью его запачкаются и подвергнутся ударамъ камней, увлекаемыхъ быстриною воды; такъ и человѣколюбивый нашъ Спаситель добровольно воспріимъ оскорбительное и безчестное для себя, чтобы спасти гибнущаго отъ обмана (человѣка); снизошелъ въ нашу жизнь, поелику провидѣлъ и славное восхожденіе изъ оной; согласился умереть по человѣчеству, поелику напередъ зналъ и о воскресеніи. Ибо не какъ одинъ изъ обыкновенныхъ людей дерзновенно ринулся въ опасность, довѣривши исходъ дѣла неизвѣстному будущему; но какъ Богъ устроилъ то, что предлежало, направляя оное къ опредѣленной и извѣстной Ему цѣли.

Итакъ сей день, ея же сотвори Господь, возрадуемся и возвелимся въ оны (Пс. 117, 24.), (выражая свое веселіе) не пьянствомъ и пирами, не ликованіемъ и невоздержностію, но

богоприличными размышленіями. Сегодня можно видѣть всю вселенную, какъ бы одну семью, согласно сошедшуюся для одного дѣла,—дѣла обычнаго, какъ бы по одному условному знаку подвигнувшуюся на упражненіе въ молитвѣ. На дорогахъ нѣтъ путешественниковъ; море сегодня опустѣло съ отсутствіемъ корабельщиковъ и плователей; земледѣлецъ бросивъ заступъ и плугъ, украсилъ себя праздничною одеждою; лавки свободны отъ торговли; заботы исчезли какъ зима съ приближеніемъ весны; шумъ и суета и бури жизни уступили мѣсто тишинѣ праздника; бѣдный украшаетъ себя какъ богатый; богатый является одѣтымъ великолѣпнѣе, чѣмъ обыкновенно; старецъ какъ юноша бѣжитъ, чтобы принять участіе въ радости; больной насилуетъ даже свою болѣзнь; дитя празднуетъ чувственно перемѣною одежды, поелику не можетъ еще праздновать разумно. Необычная радость наполняетъ душу дѣвы, потому что она видитъ воспоминаніе о своей надеждѣ столь свѣтлымъ и чтимымъ; сунруга радуется празднуя всѣмъ полнымъ домомъ; ибо нынѣ она и сожитель и дѣти и слуги и всѣ домашніе веселятся вмѣстѣ. И какъ новый и недавно родившійся рой пчелъ, впервые изъ заключенія въ ульяхъ вылетѣвшій на воздухъ и свѣтъ, кучею и собравшись весь, садится на одну вѣтвь дерева; такъ и на этотъ праздникъ всѣ семьи въ полномъ

составѣ стекаются къ домашнему очагу. И по истинѣ настоящій день хорошо можетъ идти въ сравненіе съ (онимъ) грядущимъ днемъ. Ибо и тотъ и другой день суть дни собранія людей,—одинъ всеобщаго, другой частнаго; а если сказать правду, что касается до свѣтлой радости и веселья, то сей день пріятнѣе ожидаемаго; потому что тогда по необходимости увидишь и рыдающихъ,—тѣхъ, грѣхи которыхъ откроются; нынѣ же радость (праздника) не допускаетъ печальныхъ. Ибо и праведный радуется, и тотъ, у кого совѣсть нечиста, надѣется исправиться покаяніемъ, и всякая печаль засыпаетъ на настоящій день. Нѣтъ никого столь несчастнаго, ктобы не нашель облегченія въ величій праздника; нынѣ разрѣшается отъ оковъ узникъ; отпускается должникъ; освобождается рабъ благимъ и челоуѣколюбивымъ возглашеніемъ церкви; не посредствомъ позорнаго ударенія по щекѣ, ударомъ будучи освобождаетъ отъ ударовъ; не посредствомъ торжественнаго показыванія народу съ возвышеннаго мѣста, при чемъ оскорбленіе и униженіе становится для него началомъ свободы; но освобождается какъ извѣстно, вполне благоприлично. Оказываются благодѣянія и остающемуся еще въ рабствѣ, хотя за нимъ и много и тяжкихъ проступковъ, превышающихъ прощеніе и снисхожденіе, но господинъ чтя тишину и челоуѣколюбіе сего

дня, приѣмлетъ отверженнаго и лишеннаго чести, какъ Фараонъ виночерпія изъ темницы. Ибо знаетъ, что въ предустановленный день воскресенія, по подобію котораго чтимъ и настоящій, будетъ и онъ имѣть нужду въ незлобivosti и благости Владыки, и какъ бы давая здѣсь взаимны милость, ожидаетъ воздаянія въ то время. Вы слышали, господа; соблюдайте мое слово, какъ доброе; не оклеветайте меня передъ рабами, какъ будто я ложно осыпалъ похвалами (нынѣшній) день; отымите печаль отъ удрученныхъ ею душъ, какъ Господь отъялъ мертвенность отъ тѣлъ; лишеннымъ чести возвратите честь, страждущимъ радость, несмѣлымъ дерзновеніе; какъ изъ гробовъ изведите изъ мѣстъ заключенія ввергнутыхъ туда. Да процвѣтетъ красота праздника, какъ цвѣтъ для всѣхъ. Ибо если день рожденія чловѣка царя отверзаетъ темницу, то побѣдный день воскресшаго Христа ужели не дастъ ослабы удрученнымъ горемъ? Бѣдные, привѣтствуйте вашего кормителя, страждущіе тѣлесными язвами и лишенные членовъ—цѣлителя вашихъ несчастій. Ради надежды воскресенія, и о добродѣтели мы заботимся и зло ненавидимъ; потому что если будетъ отнято воскресеніе, то окажется одно только имѣющимъ силу для всѣхъ слово: *ямы и пилы, утрѣ бо упрелы* (1 Кор. 15, 32.).

Обращая взоръ къ этому дню, Апостоль

презираетъ временную жизнь, сильно желаетъ грядущей, и почитая ничтожнымъ видимое, говорить: *аще въ животъ селъ уповающе есмь, окаяннѣйши всѣхъ чловѣкъ есмь.* (1. Кор. 15, 19.). Сей день причиною того, что люди становятся наслѣдниками Богу и сонаслѣдниками Христу. Сей день причиною, что та часть тѣла, которую съѣли плотоядная птицы за тысячу лѣтъ, окажется цѣлою, что пожрали киты, собаки и морскія животныя, возстанетъ вмѣстѣ съ воскресшимъ чловѣкомъ, что попалилъ огонь, что истребилъ червь въ гробахъ, и вообще всѣ тѣла, которыя послѣ рожденія уничтожило тлѣніе, будутъ отданы землею неповрежденными и цѣлыми, и, какъ учитъ Павелъ, воскресеніе совершится во мгновеніе ока (ст. 52). Мгновеніе же ока есть сомкнутіе вѣкъ и ничего не можетъ быть быстрѣ этой скорости; стараясь понять это по чловѣчески, по мѣрѣ твоей силы, ты не можешь представить въ душѣ своей, сколько нужно было бы измѣреній времени, чтобы во первыхъ сгнившія и обратившіяся въ землю кости составить и сдѣлать по прежнему твердыми и гладкими, а соединенныя изъ раздробленныхъ опять привести въ стройный порядокъ и естественную связь. За тѣмъ обрати вниманіе на обложеніе ихъ плотью, на протяженіе мускульныхъ связокъ, жилъ и артерій, тонкихъ каналовъ, распростра-

ющихся подъ кожею, на несказанное и безчисленное множество душъ, (исходящихъ) изъ нѣкоторыхъ тайныхъ обиталищъ; каждая изъ нихъ узнаётъ свое тѣло, какъ свою отличную отъ другихъ одежду и снова быстро вселяется въ него, имѣя способность безошибочно различать при такомъ множествѣ однородныхъ душъ. Ибо представь въ мысли всѣ души отъ Адама, и такое множество тѣлъ начиная отъ него; при такомъ количествѣ пустыхъ домовъ и домовладѣльцевъ возвратившихся послѣ долговременнаго отсутствія, все совершается необыкновеннымъ образомъ, потому что ни домъ не медлитъ возобновленіемъ, ни хозяинъ не блуждаетъ и не бродитъ безъ крова, отыскивая, гдѣ его, особенный домъ, но прямо стремится къ своему, какъ голубь къ своей башнѣ, хотя ихъ много, всѣ собрались около того же самага мѣста и имѣютъ сходный внѣшній видъ. Откуда опять воспоминаніе и оцѣнка прежней жизни и мысль о каждомъ дѣлѣ, такъ быстро возникающая вмѣстѣ съ живымъ существомъ, разрушившимся за столько вѣковъ? И отъ глубокаго сна пробудившійся чловѣкъ нѣсколько времени не сознаетъ, что онъ и гдѣ, и забываетъ объ обычныхъ вещахъ, пока бодрствованіе, разсѣявши отупѣніе, опять оживитъ силу памяти и энергію. Это и подобное, приходя на мысль людямъ, поражаетъ разумъ необычайнымъ удивленіемъ и возбуждаетъ

вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣріе къ чуду. Ибо такъ какъ умъ не находитъ разрѣшенія недоумѣніямъ и вопросамъ, и не можетъ успокоить свою любознательность изслѣдованіемъ и разрѣшеніемъ, то онъ наконецъ по слабости своихъ мыслей склоняется къ невѣрію своихъ мыслей, отрицая и отвергая истину сихъ предметовъ. Но поелику наше слово, двигаясь своимъ путемъ, дошло до вопроса, о которомъ постоянно говорятъ и этотъ предметъ близокъ и сроденъ настоящему празднику; то мы, мало по малу возведши подлежащій вопросъ къ приличному началу, попытаемся вполне убѣдить неправо сомнѣвающихся въ ясныхъ вещахъ.

Зиждатель всего, восхотѣвъ сотворить челоуѣка, привелъ его въ бытіе не какъ презрѣнное животное, но какъ существо, честію превосходящее всѣхъ и назначилъ его царемъ поднебесной твари. Имѣя это въ виду, создавъ его мудрымъ и боговиднымъ, украсивъ многими дарами, ужели съ тою мыслию привелъ его въ бытіе, чтобы родившись онъ разрушился и подвергся совершенной гибели? Но это была бы пустая цѣль (созданія), и такого рода намѣреніе было бы крайне недостойно приписывать Богу. Ибо въ такомъ случаѣ Онъ уподоблялся бы дѣтямъ, тщательно строящимъ домики и скоро разрушающимъ построенное ими, такъ какъ ихъ разсудокъ не имѣетъ въ виду никакой полезной цѣли. Но ученіе вѣры

говорить намъ совершенно противное,—что Богъ сотворилъ первозданнаго безсмертнымъ; когда же привзошло преступленіе и грѣхъ, то въ наказаніе за прегрѣшеніе лишилъ его безсмертія; потомъ Источникъ благодати, прензобилующій человѣколюбіемъ, сжалившись надъ дѣломъ рукъ своихъ украшеннымъ мудростію и знаніемъ, благоволилъ вновь возстановить насъ въ прежнее состояніе.

Это и истинно и достойно понятія о Богѣ; ибо здѣсь приписывается Ему вмѣстѣ съ благодстію и сила. Выказывать же безучастіе и жестокость къ подначальнымъ и подвластнымъ не свойственно даже людямъ добрымъ и лучшимъ. Такъ пастухъ желаетъ, чтобы было здоровымъ его стадо и едва не желаетъ того, чтобы оно было безсмертнымъ; волопасъ всякаго рода средствами размножаетъ воловъ; пастухъ козъ желаетъ, чтобы козы рождали двойни; коротко, каждый владѣлецъ стада, имѣя въ виду какую либо полезную цѣль, желаетъ, чтобы стадо его оставалось у него цѣлымъ и находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Если это такъ, и если изъ недавно сказаннаго нами явствуется, что Зяждителю и Художнику рода нашего весьма прилично возсодать поврежденное твореніе; то очевидно, что невѣрующіе дальнѣйшему не почему либо иному вооружаются противъ сего, какъ потому, что почитаютъ не возможнымъ для Бога воскресить

умершее и разрушившееся. Поистинѣ прилично только мертвымъ и безчувственнымъ разсужденіе тѣхъ, кои думаютъ, что для Бога есть что либо невозможное и неудобноисполнимое, и кои собственную немощь переносятъ на всемогущее влечіе. Но чтобы поразить ихъ безуміе словомъ обличенія, изъ того, что было и есть, покажемъ то, что будетъ и чему они не вѣрятъ. Ты слышалъ, что прахъ былъ образованъ и сталъ человѣкомъ. Итакъ, прошу тебя, который своею мудростію имѣетъ притязаніе объять все, научи меня, какъ тонкій разсѣянный прахъ соединился, какъ земля стала плотію, какъ одно и то же вещество сдѣлалось и костями и кожею и жиромъ и волосами? Какъ въ одной и той же плоти различные виды членовъ и качествъ и связокъ? Отчего лёгкое на осязаніе мягко и по цвѣту синевато, печень жестка и красна, сердце сжато и самая твердая часть въ тѣлѣ, селезенка рыхла и черна, желудочная оболочка бѣла и сплетена природою на подобіе рыболовной сѣти? Обратимъ ли вниманіе и на то: какимъ образомъ первая жена, изъ малой части ребра, образовалась въ цѣлое живое существо, подобное совершенному и первому (человѣку), и какъ часть стала достаточною для всего и малое составило все? Ребро сдѣлалось головою, руками и ногами, извилистымъ и разнообразнымъ строеніемъ внутренностей, плотью и

волосами, глазомъ и носомъ и устами и,— чтобы не затягивать вдаль слова, просто скажу, всѣмъ; все это для насъ ничтожныхъ существъ удивительно и необыкновенно; у Бога же способности устроения удобны и вполнѣ надежны. Послѣ сего, какъ признать здравомыслящими тѣхъ, кои допуская, что изъ одного ребра содѣлался человѣкъ, не вѣрятъ, что онъ же самый можетъ быть возсозданъ изъ всецѣлаго вещества человѣка? Не можетъ, не можетъ испытующая мысль человѣческая постигнуть дѣйственную силу Божию. Ибо если бы для насъ было понятно, то не былъ бы совершеннѣе насъ Тотъ, кто совершеннѣе. Но что я говорю о Богѣ? По отношенію къ нѣкоторымъ силамъ, мы не можемъ сравняться даже съ неразумными животными, но и имъ уступаемъ. Вотъ, въ бѣгѣ превосходятъ насъ кони и собаки и многія другія животныя; силою,— верблюды и лошаки; распознаваніемъ дорогъ,— ослы; остроты зрѣнія серны также не находится въ нашихъ очахъ.

Итакъ благомыслящіе и разумные должны вѣрить тому, что говоритъ Богъ, а не испытывать способности и причины Его дѣйствій, какъ превышающіе умъ. Ибо можно будетъ сказать любопытствующему: покажи мнѣ своимъ разумомъ способъ осуществленія видимаго? Скажи, какимъ искусствомъ создалъ Онъ это многообразное произведеніе? Если ты это от-

кроешь, то законно можешь недоумѣвать и негодовать, почему, зная причину рожденія, не знаешь способа преобразования чрезъ возрожденіе. Если же для тебя это сонъ и мечта, и познаніе сего отвсюду недоступно; то не досадуй, если не зная причины устройства, не понимаешь и (способа) исправленія поврежденнаго. Одинъ и тотъ же Художникъ и перваго созданія и втораго преобразования. Онъ знаетъ, какъ собственное дѣло, подвергшееся разрушенію, оцять сложить и привести въ прежнее состояніе. Если нужна мудрость,—у Него источникъ мудрости; если нужна сила,— Онъ не нуждается въ сотрудникѣ и помощникѣ. Онъ есть, по слову мудрѣйшаго пророка, измѣрившій рукою воду и великое и неизмѣримое небо *ядію*, и землю *юрстію* (Ис. 40, 12.). Посмотри на эти образы Его дѣйствованія, служащія для обозначенія неизреченной силы, и заставляющіе нашу мысль отчаяваться въ возможности представлять что либо достойное Божескаго естества. Богъ и есть и называется всемогущимъ; вѣроятно, ты не будешь спорить противъ этого, и согласишься допустить эту мысль. Но для могущаго все нѣтъ ничего не возможнаго и неудобоисполнимаго. Имѣешь много залоговъ вѣры, которые принудительно заставляютъ тебя согласиться съ сказаннымъ нами; во первыхъ, все разнообразное и многосложное твореніе, которое

яснѣ всякой проповѣди возмашаетъ, что великъ и премудръ Художникъ, устроившій все видимое. Будучи же предусмотрительнымъ по отношенію къ твари, и издалека видя мелочныя души невѣрующихъ, Богъ утвердилъ дѣломъ воскресеніе мертвыхъ, одушевивъ многія тѣла скончавшихся. Посему четверодневный Лазарь вышелъ изъ гроба (Іоан. II, 44.), и единородный сынъ вдовы, отъ погребальнаго одра возвращенный въ число живыхъ, былъ отданъ матери (Лук. 7, 12—16.), и тысячи другихъ (случаевъ), изчислять которые теперь было бы утомительно. Что сказать о Богѣ и Спасителѣ, когда Онъ, чтобы еще болѣе посрамить сомнѣвающихся, и рабамъ своимъ Апостоламъ даровалъ силу воскрешать мертвыхъ? Итакъ доказательство очевидно. За чѣмъ же вы, любители преній, даете намъ (лишній) трудъ, какъ будто бы мы толкуемъ вамъ о томъ, что не можетъ быть доказано? Какъ воскресъ одинъ, такъ и десять; какъ десять, такъ и триста; какъ триста, такъ и многіе. Художникъ одной статуи, удобно произведетъ и тысячу. Развѣ не видите какъ механики на маломъ количествѣ воска предварительно производятъ формы и образцы великихъ и громадныхъ построеній? И мысль (выполненная) надъ малымъ имѣетъ ту же силу во многихъ и большихъ произведеніяхъ. Велико небо, художественное созданіе Божіе;

но поелику Богъ сотворилъ человѣка разумнымъ животнымъ, чтобы разумніемъ Его твореній онъ прославлялъ мудраго и благоскуснаго Творца, то посмотри на сферу у астронома; она мала, но въ рукъ свѣдущаго движется также, какъ небо у Бога, и самый малый инструментъ дѣлается подобіемъ великаго произведенія, и разумъ при помощи малаго объясняетъ безмѣрное и превышающее наше чувство. Къ чему же я говорю объ этомъ? Чтобы ты зналъ, что если спросишь меня, какъ будетъ воскресеніе тѣлъ (умершихъ) отъ вѣка, то тотъ часъ услышишь обратный вопросъ: какъ былъ воскрешенъ четверодневный Лазарь? Ибо ясно, что здравосмыслишій человѣкъ, по удостовѣренію одного примѣра, не будетъ сомнѣваться и во многихъ. Признавая Бога творцемъ, не можешь сказать, что для Него что либо невозможно, и неможешь думать, что мудрость Непостижимаго постижима твоею мыслию; ибо и для Него нѣтъ ничего безпредѣльнаго, и для тебя безпредѣльное неизслѣдимо.

Еще лучше и яснѣе раскроемъ эту мысль, если въ дополненіе къ тому, что сказано нами, изслѣдуемъ и способъ нашего происхожденія, — не того перваго и древнѣйшаго (происхожденія) отъ Бога, о которомъ было говорено прежде, но того, которое послѣдовательно совершается природою до нынѣ. Этотъ

способъ неизъяснимъ и недоступенъ человѣческой мысли. Ибо, какъ сѣмя, будучи сущностью влажною, безформенною и безвидною, становится плотнымъ въ головѣ, отвердѣваетъ въ голенные кости и ребра, дѣлаетъ мозгъ мягкимъ и рыхлымъ, а облегающій его черепъ столь твердымъ и крѣпкимъ,—и чтобы не растягивать рѣчи мелочными перечисленіями всего порознь, скажу коротко, производить все разнообразное строеніе животнаго? А какъ сѣмя, будучи въ началѣ безформеннымъ, устрояемое неизреченнымъ искусствомъ Божиимъ, образуется въ очертаніе и возрастаетъ въ плотное тѣло, такъ нисколько не странно, но и совершенно послѣдовательно, чтобы вещество находящееся въ гробахъ, нѣкогда имѣвшее видъ, опять возобновилось въ прежней формѣ и прахъ снова сдѣлался человѣкомъ, такъ какъ и прежде отсюда же онъ произошелъ. Допустимъ, что Богъ можетъ сдѣлать столько, сколько въ силахъ сдѣлать горшечникъ; разсудимъ теперь, что дѣлаетъ послѣдній. Взявъ не имѣющую формы глину, онъ превращаетъ ее въ сосудъ, и выставивъ оный на солнечные лучи, сушитъ и дѣлаетъ твердымъ; лѣпнитъ онъ кувшинъ, блюдо, сосудъ для вина; но если что нибудь нечаянно упадетъ на эти вещи и опрокинетъ ихъ, то отъ паденія они разбиваются и становятся опять безформенною землею. Художникъ же, если захочетъ, скоро

поправляетъ случившееся и опять искусно придавъ форму глинь, дѣлаетъ сосудъ нисколько не хуже прежняго. И это дѣлаетъ горшечникъ,—ничтожное созданіе Божіе; какъ же не вѣрятъ Богу, когда Онъ обѣщаетъ возобновить умершаго! Много безумія въ этомъ.

Разсмотримъ и примѣръ пшеницы, которымъ премудрый Павелъ поучаетъ безумныхъ, говоря: *безумне, ты еси слыши, не тьмо будущее слыши, но голо зерно, аще случится пшеницы или иного отъ прочихъ сѣмянъ; Богъ же даетъ ему тьмо якоже восхоцетъ* (1 Кор. 15, 36. 37. 38.). Выикнемъ тщательно въ произрастеніе пшеницы и можетъ быть уразумѣемъ ученіе о воскресніи. Пшеничное зерно бросають въ землю; сгнивши въ сырости и такъ сказать умерши оно превращается въ нѣкоторое млековидное вещество, которое нѣсколько оплотнѣвъ дѣлается остроконечнымъ бѣлымъ волоконцемъ; выросши на столько, чтобы проникнуть землю, оно изъ блага мало по малу становится зеленымъ. За тѣмъ дѣлается травою и зеленью полей; разросшись же на нихъ и давъ достаточно отпрысковъ, распространяетъ внизу развѣтвленный корень, приготовляя подпору для будущей тяжести. И какъ на кораблѣ мачты со всѣхъ сторонъ прикрѣпляются множествомъ канатовъ, чтобы стояли твердо, удерживаемыя въ равновѣсіи натянутыми канатами; такъ веревидныя раз-

вѣтвленія корня дѣлаются прикрѣпленіями и подпорами колосьевъ. Послѣ того какъ пшеница вытянется въ стебель и поднимется до известной высоты, Богъ скрѣпляетъ ее колѣницами и узелками, укрѣпляя ее какъ бы какой домъ связями, по причинѣ ожидаемой тяжести растенія. Потомъ когда заготовлены силы, разорвавъ оболочку, производитъ колосъ. И опять здѣсь еще бѣльшія чудеса; ибо пшеничныя зерна обростають вокругъ колоса одно за другимъ по порядку и каждое зерно имѣетъ особое влагалище; послѣ всего выходятъ острия и тонкія ости,—оружіе, какъ думаю, противъ питающихся зернами птицъ, чтобы испытывая уколы отъ острія ихъ, не вредили плоду. Видимъ ли, какія чудныя дѣла представляетъ одно сгнившее зерно? Павши (на землю) одно въ какомъ числѣ зеренъ воскресаетъ? Человѣкъ же (съ воскресеніемъ) ничего не получаетъ бѣльшаго; получаетъ опять то, что имѣлъ и посему наше обновленіе оказывается болѣе удобнымъ; чѣмъ въ земледѣліи выростаніе пшеницы. Отсюда перейди къ размышленію о деревьяхъ, какъ для нихъ зима каждагодно замѣняетъ смерть. Ибо опадають плоды, падаетъ листь, и деревья остаются сухими, лишенными всякой красы. Послѣ же того какъ наступитъ время весны, они покрываются самымъ пріятнымъ цвѣтомъ; послѣ цвѣта является покровъ листьевъ и тогда онѣ,

какъ прекрасное зрѣлище, привлекають взоры людей и становятся помѣщеніемъ для пѣвчихъ птицъ, сидящихъ на вѣтвяхъ. И чудная какая то пріятность сіяетъ отъ этихъ деревьевъ, такъ что многіе оставляли и домъ украшенный золотомъ и Фессалійскимъ и Лакедемонскимъ мраморомъ и почитали для себя болѣе пріятнымъ жить подъ деревьями. И Патріархъ Авраамъ водрузилъ кущу подъ дубомъ, не потому, конечно, что не могъ имѣть дома, но находя удовольствіе жить подъ вѣтвями. Къ подтвержденію той мысли, которую мы имѣемъ теперь въ виду, приводитъ меня и жизнь змѣй. Ибо въ зимнее время года ихъ жизненная сила замираетъ и въ теченіи шести мѣсяцевъ онѣ лежатъ въ норахъ, совершенно неподвижными. Послѣ же того, какъ придетъ установленное время и міръ огласится звуками грома, они, принявъ громовый ударъ какъ бы за какой условный знакъ къ жизни, быстро выползають, и въ теченіи долгаго времени обнаруживаютъ обычную дѣятельность. Какой смыслъ сего? Пусть скажетъ мнѣ испытатель и изслѣдователь дѣлъ Божіихъ и научить меня, почему онъ допускаетъ, что громъ воскрешаетъ змѣй, которыя были мертвы, и не соглашается признать одушевленія людей при звукѣ трубы Божіей съ небесъ, какъ говоритъ слово Божіе: *вострубитъ бо и мертвіи возстанутъ* (1 Кор. 15, 52.), и опять въ другомъ

мѣстѣ яснѣе: *и послетъ ангелы своя съ трубными маслами велими* и собереть избранныя Ею (Матѣ. 24, 30.)

Итакъ перестанемъ невѣрить измѣненіямъ и обновленіямъ. Ибо и жизнь растений и различныхъ животныхъ и самихъ даже людей научаешь насъ, что ничто изъ того, что подвержено тлѣнію и рожденію, не остается тождественнымъ, но измѣняется и превращается. И во первыхъ, если угодно, разсмотримъ измѣненіе наше съ возрастами. Каково грудное дитя, это мы знаемъ. По прошествіи малаго времени оно получаетъ силу ползати и ничѣмъ не отличается отъ малыхъ щенковъ, опирающихся на четыре лапы. Около третьяго года дитя начинаетъ стоять прямо и издаетъ звуки, лепеча и картавя. Потомъ говоритъ членораздѣльно и дѣлается пріятнымъ мальчикомъ. Отъ этаго возраста переходитъ въ отрока и юношу; когда же пухъ покроетъ щеки, спустя немного является густая борода, одно изъ другаго; за тѣмъ (является) мужъ въ цвѣтѣ силъ, крѣпкій, способный выносить труды. Послѣ же того какъ пройдетъ четыре десятка годовъ, начинается обратная перемѣна; сѣдѣть голова, сила склоняется къ слабости и приходитъ наконецъ старость,—совершенное исчезновеніе силы, тѣло наклоняется и сгибается къ землѣ, какъ слишкомъ перезрѣлый колось; то что было гладко дѣлается морщини-

стымъ; бывшій нѣкогда юношею и крѣпкимъ
 мужемъ опять является младенцемъ не ясно
 говорящимъ, непонятливымъ, также ползаю-
 щимъ на рукахъ и ногахъ, какъ и прежде.
 Все это чѣмъ тебѣ кажется? Не измѣненіемъ
 ли? Не многообразными ли перемѣнами? Не
 различными ли обновленіями, преобразующими
 смертное животное и прежде смерти? А сонъ
 нашъ и бодрствованіе, не послужатъ ли для
 разумнаго человѣка наученіемъ относительно
 искомаго? Ибо первый есть образъ смерти,
 а послѣднее подобіе воскресенія. Посему и
 нѣкоторые изъ языческихъ мудрецовъ назвали
 сонъ братомъ смерти, по сходству того, что
 испытываетъ душа въ томъ и другой. Ибо
 въ томъ и другой одинаково забвеніе и не-
 знаніе прошедшаго и будущаго; тѣло лежитъ
 безчувственнымъ, не узнавая друга, не зная
 врага, не видя стоящихъ вокругъ и смотря-
 щихъ, изнеможенное, мертвое, лишенное
 всякой энергій, ни чѣмъ не различное отъ
 (тѣлъ) положенныхъ въ гробахъ и могилахъ.
 Такъ, если захочешь, можешь ограбить спя-
 щаго какъ мертваго, опустошить его домъ,
 наложить оковы; а онъ не обваруживаетъ ни-
 какого ощущенія того, что дѣлають. Немного
 же спустя, когда дается нѣкоторая поддержка
 и подкрѣпленіе въ немощи, человѣкъ встаетъ
 какъ бы недавно оживившись, мало по малу
 приходитъ въ сознаніе себя и того, что дѣ-

лается, постепенно возвращая дѣятельность своихъ силъ, какъ бы одушевленный живительною силою бодрствованія. Если же въ продолженіе настоящаго существованія и пребыванія чловѣка, связаны съ его жизнію столь многія дневныя и ночныя особенныя состоянія, измѣненія, смѣны памятованія и забвенія; то было бы крайне неразумно и дерзко не вѣрить Богу, обѣщающему обновленіе въ послѣдній день, — Богу, которому принадлежитъ и первое зажительное образованіе его.

Особенно даетъ оружіе противорѣчащимъ намъ, и способствуетъ ихъ невѣрію, прежде всего, думаю, то, что они полагаютъ, будто тѣла подвергаются совершенному исчезновенію. Но это не такъ. Ибо тѣло не исчезаетъ окончательно, но разрѣшается на части изъ которыхъ сложено; и эти части существуютъ въ водѣ и воздухѣ, въ землѣ и огнѣ. Поелику первообразныя стихіи всегда пребываютъ и въ нихъ возвращается послѣ разрѣшенія то, что отъ нихъ (заимствовано); то въ сихъ стихіяхъ совершенно остаются цѣлыми и части (тѣла). Если же Богу весьма легко создавать изъ не (сушаго), ибо такъ въ началѣ все воспріяло бытіе); то производитъ изъ началъ существующихъ, конечно, гораздо легче и удобнѣе. Итакъ не станемъ отнимать благой надежды у людей, — исправленія нашей немощи

и втораго, такъ сказать, рожденія, свободнаго отъ смерти; по чрезмѣрной любви къ удовольствіямъ не станемъ пренебрегать благимъ челоуѣколюбивымъ общаніемъ Божиимъ. Ибо противники раскрываемой нами мысли кажутся мнѣ друзьями зла и врагами добродѣтели, людьми сѣстолюбивыми, любостыжательными, невоздержными, и очами и слухомъ и обонаніемъ, — всѣми чувствами приемлющими въ себя втекающее чрезъ оныя удовольствіе. Поелику же ученіе о воскресеніи соединено съ мыслию о судѣ, и они слышатъ, какъ священныя книги выразительно говорятъ, что не безотвѣтна наша жизнь, но что когда обновимся къ второй жизни, всѣ предстанемъ предъ судилищемъ христовымъ, дабы отъ онаго Судии по достоинству воспріять воздаяніе за дѣла жизни; то сознавая, что дѣла ихъ самыя постыдныя, достойны многихъ наказаній, по ненависти въ суду отвергають и воскресеніе. Такъ злые рабы, растратившіе имущество господина, представляютъ себѣи смерть господина и его погибель, и сообразно тому, чего сами желаютъ, вымышляютъ пустыя предположенія.

Но такъ разсуждать не станетъ никто здраво-мыслящій. Ибо какая будетъ польза отъ правды, отъ истины, отъ благодсти и отъ всего хорошаго? Если нѣтъ воскресенія, то изъ за чего труждаются и любомуудрствуютъ люди,

порабощающіе удовольствіе чрева, любящіе воздержаніе, позволяющіе себѣ кратковременный только сонъ, вступающіе въ борьбу съ холодомъ и зноємъ? Скажемъ имъ словами Павла: *ямы и пїемъ, утрѣ бо упремъ* (1 Кор. 15, 32.). Если нѣтъ воскресенія, но смерть есть предѣлъ жизни, то оставь обвиненія и порицанія. Предоставь не возбранно свободу челоуѣкоубійцѣ; пусть прелюбодѣй дерзновенно строитъ ковы противъ брака; пусть любостыжатель роскошествуетъ на счетъ своихъ противниковъ; никто пусть не останавливаетъ ругателя, пусть клятвопреступникъ постоянно клянется, ибо смерть ожидаетъ и того, кто соблюдаетъ клятвы; пусть иной лжетъ, сколько хочетъ, потому что нѣтъ никакого плода отъ истины; никто пусть не милуетъ бѣдныхъ, ибо милосердіе остается безъ награды. Такія разсужденія производятъ (въ душѣ) безпорядокъ хуже потопа, они изгоняютъ всякую цѣломудренную мысль и поощряютъ всякій безумный и разбойническій замысль. Ибо если нѣтъ воскресенія, нѣтъ и суда; если же отъемлетъ судъ, то вмѣстѣ съ нимъ отвергается и страхъ Божій. А гдѣ не уцѣломудриваетъ страхъ, тамъ ликуетъ діаволъ. И очень прилично, къ такого рода людямъ, Давидъ написалъ оный псаломъ: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нпсть Богъ; растлѣша и омерзѣша въ начинаніихъ* (Пс. 13, 1.). Если нѣтъ воскре-

сенія, то вымыселъ—Лазарь и богатый, и ужасная пропасть и нестерпимый пламень огня и горящій языкъ и сильно желаемая капля воды и персть бѣднаго. (Лук. 16, 19—27.). Ибо ясно, что все это изображаетъ, что будетъ при воскресеніи. Подъ языкомъ и перстомъ разумѣются не члены безплотной души, но члены тѣла. И никто пусть не думаетъ, что это уже произошло; этимъ предвозвѣщается будущее. Въ день же преобразованія, когда будутъ одушевлены мертвые, каждый изъ жившихъ предстанетъ для отчета (существомъ) сложнымъ какъ прежде, состоящимъ изъ души и тѣла. А богодухновенный Іезекіиль созерцатель великихъ видѣній въ какомъ смыслѣ видѣлъ оное великое и обширное поле, полное костей человѣческихъ, проречь на которыя было повелѣно ему? И оныя кости тотъ часъ обростали плотію, и то, что было разъединено и беспорядочно расторгнуто, совокуплялось одно съ другимъ въ порядкѣ и согласіи (Іезек. 37, 1—12.). Сими словами Писаніе не съ достаточною ли ясностію доказываетъ намъ оживленіе сей плоти? А мнѣ думаютъ оспаривать то, о чемъ здѣсь рѣчь, кажутся не только нечестивыми, но и глупыми. Ибо воскресеніе и оживленіе и преобразованіе и всѣ подобныя наименованія переносятъ мысль слышащаго оныя къ тѣлу, которое подвержено тлѣнію, такъ какъ душа, рассматриваемая сама по себѣ,

никогда не может воскреснуть, поелику она не умирает, но бессмертна и негибнуща. Будучи же бессмертною, имѣетъ общникомъ своихъ дѣлъ смертное (тѣло), и посему во время воздаянiя отъ праведнаго Судии снова вселится въ своего сотрудника, чтобы съ нимъ воспрiять общiя наказанiя или награды.

Но чтобы наши слова были доказательнѣе и сильнѣе, разсудимъ такимъ образомъ. Что мы называемъ человѣкомъ? Душу и тѣло вмѣстѣ, или одно что нибудь? Очевидно, сочетанiе того и другаго характеризуетъ сiе живое существо; нѣтъ нужды распространяться о томъ, что не оспоримо и извѣстно. Если же это такъ; то присовокупимъ и такого рода размышленiе: то что дѣлаютъ люди какъ то: блудъ, убiйство, хищенiе и все, что сопровождаетъ эти (пороки), или напротивъ: цѣломудрiе, воздержанiе и всякое противоположное злу дѣйствованiе, — называемъ ли мы дѣйствiями обоихъ, (тѣла и души), или приписываемъ эти дѣла одной душѣ? Но и въ этомъ очевидна истина. Ибо никогда душа отдѣльно отъ тѣла не совершаетъ воровства, не подкапываетъ стѣнъ; никогда одна она не подаетъ хлѣбъ алчущему, не напаяетъ жаждущаго, не спiшитъ немедленно въ темницу, чтобы оказать пособiе страждущему въ заключенiи; но при всякомъ дѣлѣ душа и тѣло соединяются другъ съ другомъ и вмѣстѣ совершаютъ то, что дѣлаютъ. Если это такъ, то

какимъ же образомъ , допуская , что будетъ судъ за дѣла жизни, ты отторгаешь одно отъ другаго? И тогда какъ содѣланное составляетъ общую принадлежность того и другаго , ты назначаешь судилище для одной души? А если кто захочетъ быть тщательнымъ судьей чело­вѣческихъ прегрѣшеній и внимательно при­смотрится, откуда возникаютъ первыя причины грѣха, то можетъ быть найдеть, что первая вина безпорядка заключается въ тѣлѣ. Ибо часто, когда душа находится въ покоѣ и поль­зуется невозмутимымъ миромъ, глазъ страст­нымъ взоромъ взглянетъ на то, на что лучше бы не смотрѣть, и передавъ душѣ недугъ , превращаетъ въ бурю и волненіе ея тишину. Подобнымъ образомъ и ухо, прислушавшись къ какимъ либо безстыднымъ и возбуждаю­щимъ словамъ, какъ бы черезъ какіе каналы проводитъ въ мысли скверну своего смятенія и нестроенія. Бываетъ, что и носъ посред­ствомъ чувства (обонянія) и вдыханія вноситъ во внутренняго чело­вѣка великое и неиз­образимое зло. Умѣютъ и руки посредствомъ осязанія разслаблять твердость мужественной души. И когда я такимъ образомъ мало по малу начинаю изслѣдовать и разсматривать, то нахожу, что тѣло виновно во многихъ грѣхахъ. Несетъ оно также и труды за добродѣтель и при подвигахъ , также выносить страданія , будучи посѣваемо желѣзомъ, палимо огнемъ,

поражаемо бичемъ, отягчаемо тяжелыми узами и подвергаясь всякаго рода мукамъ, чтобы не измѣнить священному любомудрію, которое, какъ бы какой украшенный прекрасными стѣнами и башнями городъ, окружено бранію со зломъ. Итакъ если тѣло въ достиженіи совершенства труждается вмѣстѣ съ душою, и въ прегрѣшеніяхъ не отстанетъ отъ нея; то на какомъ основаніи влечешь на судилище одну невещественную душу? Такое мнѣніе и не справедливо и не здравомысленно. Если душа одна и безъ тѣла согрѣшила, одна и будетъ наказана; если же имѣла явнаго сотрудника, то и его не оставитъ безъ наказанія праведный Судія. А я слышу, что Писаніе говорить и то еще, что осужденные будутъ подвергнуты справедливымъ казнямъ: огню и мраку и червь. Все это суть наказанія для сложныхъ и вещественныхъ тѣлъ; души же самой никогда не коснется огонь; и мракъ не можетъ быть для нея тяжелымъ, такъ какъ она лишена очей и зрительныхъ органовъ. Что могъ бы сдѣлать ей и червь, который способенъ повреждать тѣла, а не души? Посему послѣдовательный ходъ разсужденій отовсюду побуждаетъ насъ признать воскресеніе мертвыхъ, которое въ надлежащее время совершитъ Богъ, дѣломъ утвердивъ собственныя обѣтованія. Итакъ повѣримъ говорящему: *вострубитъ бо, и мертвіи возстанутъ* (1 Кор. 15, 52.), и опять:

рядетъ часъ, въ онѣже вси суціи во гробѣхъ услышатъ гласъ Его, и изыдутъ сотворшии блага въ воскресеніе живота, а сотворшии злая въ воскресеніе суда (Іоан. 5, 28. 29.). И не общаетъ только, но и дѣлами, которыя ежедневно совершаетъ, ясно научаетъ, что Онъ всемогущъ. Ибо ни въ началѣ не утомился творя, ни преобразуя (созданное) не оскудѣетъ мудростію. Посмотримъ на настоящее, и мы повѣримъ тому, что будетъ. Всякое дѣйствіе Божіе возбуждаетъ въ насъ изумленіе; такъ велико и невыразимо чудо, когда видимъ, что черты отцевъ и прадѣдовъ точно переходятъ въ наружность потомковъ, и дѣти носятъ на себѣ отпечатокъ предковъ. Здѣсь-то я необычайно изумляюсь премудрому искусству совершеннѣйшаго Художника Бога и Спасителя, какъ въ неизреченной тайнѣ зиждутся подражанія первообразамъ, когда тѣ уже и не существуютъ и не являются, какъ бы воскрешая умершихъ въ другомъ нѣкоемъ видѣ чрезъ дѣйственность ихъ типовъ. А часто и особенности многихъ лицъ вмѣстѣ отображаются въ одномъ тѣлѣ; носъ отца, глазъ дѣда, походка дяди, звукъ голоса матери, и одинъ человѣкъ представляется какъ бы какимъ растеніемъ, принявшимъ прививки отъ многихъ деревьевъ и приносящимъ при сборѣ тысячи видовъ плодовъ. Все это удивительно, и какъ происходитъ, для насъ неизвѣстно, но легко

для Зиждителя и совершается Имъ, какъ знаемъ, безъ всякаго труда. Посему крайне неумѣстно и неразумно допускать, что отличительные признаки сгнившихъ и уже истлѣвшихъ тѣлъ въ раждающихся ежедневно въ настоящее время (людяхъ) воскресаютъ и чужое переходить въ другихъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ не признавать, что собственныя и особенныя свойства каждаго, въ самыхъ тѣхъ лицахъ, которыя нѣкогда приобрѣли ихъ, не возобновятся и не оживутъ, но напротивъ отвергать это и отрицать, почитая вымысломъ, а не (вѣрнымъ) словомъ обѣтованіе Того, который все это видимое нами составилъ и украсилъ, какъ восхотѣлъ. Но мы вѣруемъ воскресенію, возсылая славу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О

НА СВЯТУЮ И СПАСИТЕЛЬНУЮ ПАСХУ.

Истинный покой субботы, получившій Божіе благословеніе, которымъ Господь почилъ отъ дѣлъ своихъ, для спасенія міра субботствовавши упраздненіемъ дѣятельности смерти, уже оканчивается, явивъ особенную благодать и взорамъ, и слуху, и сердцу, посредствомъ всего того, что при совершеніи празднованія, мы видѣли и слышали, отъ чего получили сердечную радость. Ибо то, что видѣли мы глазами, былъ свѣтъ, свѣтившій намъ въ ночи огненнымъ облакомъ отъ лампадъ; слово, въ продолженіи сей ночи оглашая слухъ псалмами и пѣніями и пѣснями духовными, и вливая въ душу чрезъ слухъ какъ бы какой потокъ радости, исполняло насъ благими надеждами; а сердце, радостно утѣшаясь тѣмъ, что мы слышали и видѣли, запечатлѣвало въ себѣ неизреченное блаженство. Видимое руководило его къ невидимому, такъ что благо-

дѣянiе сего упокоенiя, укрѣпляя неизглаголанную надежду на то, что уготовано намъ, служить образомъ тѣхъ благъ, которыхъ ни *око не видѣтъ*, ни *ухо не слышитъ*, которыя и *на сердце челоуьку не взыдоша* (1 Кор. 11, 9.).

И такъ, поелику сiя свѣтозарная ночь, соединившая блескъ отъ лампадъ съ ранними лучами солнца, произвела одинъ непрерывный день, не раздѣленный промежуткомъ тьмы, то мы, братiе, размыслимъ о пророчествѣ, которое говоритъ, что *сей есть день, егюже сотвори Господь* (Псал. 117, 14.). Дѣло для этого дня не тяжелое и трудное, но удовольствiе, радость и веселiе, поелику такъ говорить слово Божiе: *возрадуемся и возвеселимся въ оны*. О прекрасное занятiе! О сладостное повелѣнiе! Кто замедлитъ повиноваться симъ заповѣдямъ? Кто не сочтетъ для себя вредомъ и не надолго отсрочитъ такого рода занятiя? Радость,—дѣло, а веселiе,—приказанiе, чрезъ исполненiе котораго разрѣшается осужденiе за грѣхъ и печаль превращается въ радость.

Таково рѣшенiе мудрости: въ день радости,—забвенiе золь. Сей день заставилъ насъ забыть о первомъ противъ насъ приговорѣ, или лучше, не забыть заставилъ, а совсѣмъ уничтожилъ его, ибо онъ совершенно изгладилъ всякое воспоминанiе о (произнесенномъ) на насъ осужденiи. Тогда дѣтороженiе въ *болъзняхъ* (Быт. 3, 16.), нынѣ роженiе безъ

мукъ; тогда отъ плоти рождались мы, чтобы быть плотію, нынѣ рожденное есть духъ отъ духа (Іоан. 3, 6.); тогда были сынами чело-вѣческими, нынѣ рождены чадами Божиими; тогда низведены были съ неба на землю, нынѣ Небесный и насъ содѣлалъ небесными; тогда чрезъ грѣхъ царствовала смерть, нынѣ наоборотъ, чрезъ жизнь получаетъ державу власти оправданіе. Тогда одинъ открылъ входъ смерти, нынѣ чрезъ Единаго вводится жизнь; тогда чрезъ смерть мы низпали отъ жизни, нынѣ смерть уничтожается жизнью; тогда отъ стыда укрывались подъ смоковницею, нынѣ облеченные славою приближаемся къ древу жизни; тогда за преслушаніе изгнаны изъ рая, нынѣ же вѣрою вселяемся въ рай. Снова предлагается намъ, кому угодно, въ свѣдѣ плодъ жизни; снова райскій источникъ, раздѣляясь на четыре потока евангельскихъ рѣкъ, напаяетъ *все лице* (Быт. 2, 6.) Церкви, такъ что упоются и бразды нашихъ душъ, которыя Сбьющій слово провелъ плугомъ ученія, и обильно возвращаютъ плоды добродѣтели.

Что же нужно при этомъ дѣлать? Что иное, какъ не подражать пророческимъ горамъ и холмамъ въ ликованіи; ибо *горы*, какъ сказано, *взырашася яко овни и холми, яко агнцы овнии* (Псал. 113, 4.). И такъ *приидите возрадуемъ Господеви* (Пс. 94, 1.), сокрушившему силу вражію и воздвигшему ради насъ великое по-

бѣдное знаменіе креста надъ падшимъ противникомъ. *Воскликнемъ* (Пс. 94, 1.)! Воскликновеніе же есть торжественное возгласеніе, исторгающееся у побѣдителей надъ побѣжденными.

И такъ поелику воинство нашего непріятеля ниспровергнуто и самъ онъ, имѣющій власть надъ злою ратию демоновъ, прогнанъ, погубленъ и даже обращенъ въ ничтожество, то и скажемъ: *Богъ велий Господь, и Царь велий по всей земли*, (Пс. 94, 3.), благословившій вѣнецъ лѣта благодати своей и введшій насъ въ сіе духовное ликостояніе, во Христѣ Иисусѣ Господѣ, Которому слава во вѣки. Аминь.

С Л О В О

НА ДЕНЬ, НАЗЫВАЕМЫЙ ПО МѢСТНОМУ ОБЫЧАЮ
У КАПАДОКІЙЦЕВЪ: *Ἐπισηχομένη*, ТО ЕСТЬ НА
ПРАЗДНИКЪ ВОЗНЕСЕНІЯ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА
ХРИСТА.

Какой пріятный спутникъ въ человѣческой жизни пророкъ Давидъ! Мы встрѣчаемъ его на всѣхъ путяхъ сей жизни. Какъ прилично онъ примѣняется ко всѣмъ духовнымъ возрастамъ, приспособляется къ всякому разряду стремящихся къ совершенству! Съ дѣтьми по Бозѣ онъ вмѣстѣ играетъ, съ мужами вмѣстѣ подвизается, юношей руководитъ, старости служить опорой; всѣмъ бываетъ все: для воиновъ,—оружіе, для подвизающихся,—наставникъ, для упражняющихся въ борьбѣ,—училище, для побѣдителей,—вѣнецъ; сотрапезникъ въ радости, утѣшеніе въ печали. Нѣтъ ничего въ нашей жизни, что лишено бы было этаго благодатнаго участія (пророка). Есть ли какая сильная молитва, которой не содѣйствовалъ бы Давидъ? Есть ли какая радость праздника, которой бы не украсилъ

Пророкъ? Это можно видѣть и нынѣ; ибо и нынѣшній праздникъ, какъ ни великъ самъ по себѣ, пророкъ сдѣлалъ еще больше, предложивъ и съ своей стороны, приличныя предмету онаго, слова радости изъ псалмовъ. Ибо въ одномъ изъ нихъ (Псал. 22.) повелѣваетъ тебѣ быть овцею, пасомою Богомъ, и не лишаемою никакого блага, — овцею, для которой добрый Пастырь служить всѣмъ, и лакомъ для питанія и водою упокоенія и пищею и кущею и стезею и водительствою, распредѣляя свою благодать соотвѣтственно каждой нуждѣ. Всѣмъ этимъ онъ научаетъ Церковь, что должно тебѣ прежде всего быть овцею добраго Пастыря, благимъ оглашеніемъ руководимою къ божественнымъ пажитямъ и источникамъ ученія, дабы спогребстись ему крещеніемъ въ смерть и не страшиться этой смерти, потому что это не смерть, но тѣнь и отображеніе смерти; ибо *еще пойду* говорить *посредь снни смертныя, не убоюся* того, что будетъ со мною, какъ *зла, яко Ты со мною еси* (Псал. 22, 4.). За тѣмъ утѣшивъ палицею (ст. 4) Духа, ибо Духъ есть утѣшитель, предлагаетъ таинственную *трапезу*, уготованную *сопротивз* демонской трапезѣ (ст. 5); ибо демоны стужали человѣческой жизни чрезъ идолослуженіе; *сопротивз* имъ (предлагается) трапеза Духа. Потомъ помазуетъ главу елеемъ Духа и, присовокупивъ къ сему вино, весе-

лящее сердце, производитъ въ душѣ трезвенное упоеніе, твердо направивъ помыслы отъ временнаго къ вѣчному. Ибо вкусившій сего упоенія перемѣняетъ краткую жизнь на нескончаемую, *въ долготу дней* продолжая обитаніе въ домѣ Божіемъ (ст. 6.).

Даровавъ намъ это въ одномъ изъ псалмовъ, въ слѣдующемъ за нимъ Давидъ возбуждаетъ душу къ большей и совершеннѣйшей радости. Если угодно объясню вамъ сокращенно смыслъ и сего (псалма.). *Господня земля, и исполненіе ея* (Пс. 23, 1 и слѣд.). И такъ чтоже страннаго, о человѣкѣ, въ томъ, что Богъ нашъ явился на землѣ и жилъ съ человѣками, когда земля есть Его твореніе и дѣло? И такъ нѣтъ ничего новаго и неприличнаго въ томъ, что Владыка *во своя* пришелъ (Іоан. 1, 11.); ибо Онъ приходитъ не въ чужой міръ, но въ тотъ, который Самъ устроилъ, основавъ землю на моряхъ и содѣлавъ её удобною для теченія по ней рѣкъ (ст. 2.). Для чегоже пришелъ Онъ? Для того, чтобы извлекши тебя изъ пучины грѣха, возвести *на гору* (ст. 3.), если для восхожденія ты воспользуешься царскою колесницею, то есть добродѣтельнымъ образомъ жизни. Ибо нельзя взойти на оную гору, если не будутъ сопутствовать тебѣ добродѣтели; для сего ты долженъ быть *неповиненъ рукамъ*, не оскверненъ никакимъ лукавымъ дѣломъ, *чистъ сердцемъ*, не обращаешь душею своею ни къ чему сует-

ному, и не измышлять противъ ближняго ни какаго коварства (ст. 4). Награда за сіе восхождение есть *благословеніе*; Господь даруетъ такому назначенную имъ *милость*. (ст. 5.). *Сей* есть *родъ шущихъ* Его, восходящихъ на высоту посредствомъ добродѣтели и *шущихъ* лице *Бога Иаковля* (ст. 6.).

Слѣдующая же часть псалма, можетъ быть, выше и самаго Евангельскаго ученія; ибо Евангеліе повѣствуетъ о пребываніи Господа на землѣ и о возвращеніи его отъ насъ; сей же высокій Пророкъ, изшедъ изъ себя самаго какъ-бы неотягощаемый уже бременемъ тѣла и присоединившись къ небеснымъ силамъ, передаетъ намъ гласы ихъ, какъ сіи силы, торжественно сопровождая Владыку въ его нисхожденіи, повелѣваютъ пребывающимъ на землѣ ангеламъ, которымъ ввѣрена человѣческая жизнь, подыять входы, говоря: *возмите врата, князи ваша, и возмיתесь врата вѣчная: и увидетъ Царь славы* (ст. 7.). И поелику Содержащій въ себѣ все, куда ни нисходитъ, вездѣ соразмѣряетъ себя съ способностію приѣмлющихъ, (ибо бываетъ не только человѣкомъ между людьми, но, конечно соотвѣтственно тому, и находясь среди ангеловъ, низводитъ Себя до ихъ естества), то вратари спрашиваютъ у вѣстника: *кто есть сей Царь славы?* (ст. 8.). Въ отвѣтъ на сіе объявляютъ имъ, что онъ есть *крѣпкій и сильный*, имѣющій сразиться

съ плѣвившимъ человеческое естество и сокрушить *илуцаго державу смерти* (Евр. 2, 14.), чтобы по уничтоженіи послѣдняго врага возвратить къ свободѣ и миру родъ человеческій. Опять повторяетъ тѣже гласы (ст. 9, 10.); ибо таинство смерти уже совершилось, побѣда надъ врагами одержана и противъ нихъ воздвигается побѣдный знакъ,—крестъ. И снова *возшелъ на высоту Плѣвившій плыгъ*, давшій людямъ сіи благія *даянія* (Пс. 67, 19),—жизнь и царство. Снова должны отвориться находящіяся горѣ врата; въ свою очередь торжественно сопровождаютъ его наши стражи и повелѣваютъ отверзть Ему горнія врата, чтобы въ нихъ опять воспріять прославленіе. Но тамъ не узнаютъ Его, облеченнаго нечистою одеждою (Захар. 3, 4.) нашей жизни, багрность одѣянія Котораго (происходитъ) отъ точила (Исаі. 63, 12.) человеческихъ золь. Посему встрѣчаютъ сопровождающихъ такимъ вопросительнымъ гласомъ: *кто есть сей Царь славы?* За тѣмъ (слѣдуетъ) не прежній уже отвѣтъ: *крѣпокъ и силенъ въ брани*, но: *Господь силъ*, пріавшій власть надъ всѣмъ, возглавившій въ себѣ все, первенствующій во всемъ, возстановившій все въ прежнее состояніе творенія, *Сей есть Царь славы.*

Видите какъ Давидъ увеличилъ для насъ сладость праздника, присоединивъ собственную радость къ веселію Церкви. И такъ будемъ

и мы подражать Пророку въ томъ, въ чемъ можно успѣшно подражать,—въ любви къ Богу, въ кротости жизни, въ долготерпѣніи къ ненавидящимъ насъ, чтобы наставленіе Пророка было руководствомъ жизни по Богъ, во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О

О С В Я Т О М Ъ Д У Х Ъ .

Предметъ всякаго праздника содѣлываетъ свѣтлѣ Давидъ, всегда соотвѣтственно потребности настраивая свою многостройную цитру. Итакъ и великій праздникъ пятидесятиницы пусть озаритъ намъ тотъ же пророкъ, бряцаломъ духа ударяя по струнамъ мудрости и возглашая пѣснь. Пусть изречетъ изъ онаго божественнаго пѣснопѣнія сіи приличныя настоящей благодати слова: *приидите возрадуемъя Господеви* (Пс. 94, 1.). Прежде нужно узнать благодать, въ чемъ она состоитъ, а потомъ примѣнить къ содержанію ея соотвѣтствующія слова изъ пророчества; позвольте и мнѣ, сколько возможно, изъяснить по порядку все, что касается сего предмета.

Отъ начала впало въ заблужденіе человечество относительно познанія Бога, и оста-

вивъ Господа твари , одни обольстившись стали служить стихіямъ міра, другіе же начали почитать естество демоновъ, а многимъ и рукотворенныя изображенія идоловъ . показались божествомъ, и для служенія симъ лжеименнымъ богамъ устраивались ими и жертвенники, и храмы, и посвященія, и жертвы, и священныя рощи, и капища. Но возрѣвъ окомъ челоуѣкоколюбія на поврежденіе естества челоуѣческаго Владыка твари и постепенно опять возводитъ челоуѣческую жизнь отъ заблужденія къ познанію истины. Ибо какъ тѣ, кои съ нѣкоторымъ знаніемъ врачебнаго искусства возстановляютъ силы истощенныхъ долговременнымъ голодомъ, невдругъ позволяютъ имъ насыщаться, щадя ихъ слабость; но когда посредствомъ соразмѣрнаго употребленія пищи придетъ у нихъ силы, тогда позволяютъ сколько угодно наполнять себя пищею: такимъ же образомъ, когда челоуѣческое естество было истощено страшнымъ голодомъ , домостроительствомъ (Божіимъ) установлена была постепенность въ пріобщеніи къ таинственной пищѣ, такъ чтобы люди, всегда восходя къ совершенству въ нѣкоторомъ послѣдовательномъ порядкѣ, достигли такимъ образомъ до предѣла совершенства. Ибо, что спасаетъ насъ, это есть животворящая Сила, которой вѣруемъ подъ именемъ Отца и Сына и Святаго Духа. Но неспособныя къ воспріятію сей истины вполнѣ,

въ слѣдствіе приключившейся имъ отъ душевнаго глада слабости, прежде всего, отвлекаемые отъ многобожія пророками и закономъ, приучаются взирать на единое божество, и въ единомъ божествѣ уразумѣваютъ единую только силу Отца, будучи неспособны, какъ я сказалъ, къ совершенной пищѣ. За тѣмъ, для ставшихъ болѣе совершенными при помощи закона открывается чрезъ Евангеліе и едиnorodный Сынъ; послѣ сего предлагается намъ совершенная пища для нашего естества, — Духъ Святой, въ которомъ жизнь. Вотъ предметъ праздника; посему прилично намъ собравшимся для празднованія Духу слушаться предводителя сего духовнаго ликостоянія, Давида, который говоритъ: *приидите возрадуемъя Господеву. Господь же духъ есть*, какъ говоритъ Апостоль (2 Кор. 3, 17.).

Ибо сегодня, при окончаніи, по годовичному обращенію времени, пятидесятницы, въ самый сей часъ (если теперь третій часъ дня) дарована неизглаголанная благодать. Снова сообщилъ себя людямъ Духъ, который прежде отдалился отъ нашего естества, потому что человекъ сталъ *плотію* (Быт. 6, 3.). И когда бурнымъ онымъ дыханіемъ были изгнаны изъ воздуха и разсѣяны духовныя силы злобы и всѣ скверныя демоны, тогда снишествіемъ Духа въ видѣ огня исполнились божественной силы всѣ пребывавшіе въ горницѣ (Дѣян. 1,

13): ибо невозможно иначе содѣлаться причастникомъ Святаго Духа, какъ обитая на высотѣ сей жизни. Приобщаются Святаго Духа только тѣ, кои мудрствуютъ горняя, представивъ свое жилище отъ земли на небо, и живутъ въ *горницѣ* високаго образа жизни. Ибо такъ говоритъ книга Дѣяній, что когда собрались въ горницѣ онѣй чистый и невестественный огонь раздѣляется въ видѣ языковъ по числу учениковъ. Но они бесѣдовали съ Парянами, Мидянами и Еламитами и прочими народами, свободно приспособляя свою рѣчь къ каждому народному нарѣчію; а я, какъ говоритъ Апостоль, *хошу пять словесъ въ церкви умома моима глаголати, да и ны пользую, нежели тмы словесъ языкомъ* (1 Кор. 14, 19.). Тогда полезно было говорить одною рѣчью съ иноязычными, чтобы проповѣдь не была бездѣйственной для невѣдущихъ, встрѣчая препятствіе въ языкѣ проповѣдующихъ; теперь же, когда всѣ (здѣсь) говоримъ однимъ языкомъ, нужно поискать огненнаго языка Духа, для просвѣщенія помраченныхъ обманомъ. Итакъ и въ семь да руководить насъ Давидъ, взявъ въ сопутники себѣ Апостола. Ибо сей псаломъ, начало котораго даруетъ намъ радость о Господѣ, въ словахъ: *приидите возрадуемъя Господеву*, не только руководить насъ къ славословію Святаго Духа, но гораздо болѣе,—въ томъ, что слѣдуетъ далѣе, поучаетъ

насть о божествѣ Его. Скажу же вамъ и самыя слова Пророка, съ которыми согласуется и великій Апостолъ; изреченіе его таково: *днесь, аще гласъ ею услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, яко въ проишваніи, по дни искушенія въ пустыни: въ онъ же искусиша мя отцы ваши* (Пс. 94, 8. 9.). Упомяная о сихъ словахъ божественный Апостолъ говоритъ такъ: *тѣмъ же, яко же млаголетъ Духъ Святый* (Евр. 3, 7.), и сказавъ сіе приводитъ самыя слова Пророка относя ихъ къ лицу Духа. Итакъ, кто есть тотъ, котораго *искусиша отцы ихъ* въ пустынь? Кто тотъ, котораго прогнѣвали? Узнай это отъ самого Пророка, который говоритъ, что *искусиша Бога Вышняю* (Пс. 77, 56.). И Апостолъ также указавъ на лице Святаго Духа, приписываетъ Ему сіи самыя реченія: *тѣмъ же, яко же млаголетъ Духъ святыи въ день искушенія въ пустыни, идъже искусиша мя отцы ваши* (Евр. 3, 8—9.). И такъ, поелнку Духъ Святыи говоритъ: *искусиша мя отцы ваши въ пустыни*, а пророкъ свидѣтельствуеть, что тотъ, кого искусили въ пустынь, есть вышній Богъ; то да заградятся уста духоборцевъ, говорящія неправду о Богѣ, когда и Апостолъ и Пророкъ сказаннымъ ясно возвѣщаютъ божество Духа. Ибо Пророкъ говоритъ: *искусиша Бога Вышняю* и какъ бы отъ лица Божія произноситъ къ Израильтянамъ оныя слова: *въ пустыни искусиша мя отцы*

ваша; а великій Павелъ сіи слова приписываетъ Святому Духу, такъ что чрезъ это доказывается, что Духъ Святый есть Вышній Богъ. Итакъ, согласны ли враги славы Духа видѣть огненный языкъ божественныхъ словесъ, освѣщающій сокровенное, или будутъ смѣяться (надъ нами), какъ надъ напившимися сладкаго вина (Дѣян. 2, 13.)? Я же, хотя бы они и сказали это о насъ, совѣтую вамъ, братіе, не бояться порицанія таковыхъ и не упадать духомъ отъ ихъ насмѣшекъ. О, если бы и у нихъ было когда нибудь сладкое вино, это нововыжатое вино, излившееся изъ точила, которое истопталъ Господь чрезъ Евангеліе, дабы напоить тебя кровію собственнаго грозда (Ис. 63, 2. 3.)! О, еслибы и они исполнились онаго новаго вина, названнаго ими сладкимъ, котораго не испортили еще торгаши примѣсю еретической воды! Тогда они конечно исполнились бы и Духа, при помощи котораго всѣ князіе Духомъ какъ пѣну сбрасываютъ съ себя грубость и нечистоту невѣрія. Но не могутъ таковыя пріять въ себя сего сладкаго вина, потому что носятъ еще ветхіемѣхи, которые будучи не въ состояніи сдержать таковаго вина, еретически расторгаются. Мы же, братіе, *пріидите возрадуемъя Господеви*, какъ говоритъ пророкъ, *пія и сладкія* питія благочестія, какъ повелѣваетъ Ездра (2 Ездр. 9, 51.), и свѣтло празднуя

съ ликами Апостоловъ и пророковъ, прїидите,
по дару Святаго Духа возрадуемся и возвеселимся въ *день сей, его же сотвори Господь во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.*

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

СВЯТОМУ ПЕРВОМУЧЕНИКУ СТЕФАНУ.

Какъ прекрасно слѣдуетъ одно благо за другимъ! Какое пріятное преемство радости! Ибо вотъ, мы получаемъ праздникъ за праздникомъ, удовольствіе за удовольствіемъ. Вчера Господь вселенной устроилъ для насъ пиршество, нынѣ, — подражатель Его. Какъ устрояетъ сей, и какъ Тотъ? Тотъ облекшись за насъ въ человѣческое естество, сей за Него совлекшись человѣка; Тотъ ради насъ вступая въ пещеру жизни; сей исходя изъ пещеры ради Него; Тотъ ради насъ будучи повиваемъ пеленами, сей,—побиваемый камнями за Него; Тотъ разрушая смерть, сей попирая низложенную смерть.

Потечемъ же и мы, братіе, нашимъ словомъ на зрѣлище и посмотримъ, какъ будетъ подвизаться великій борецъ, выступая на поприще исповѣданія противъ лукаваго противника человѣческой жизни. Ибо истинно, по слову

Павла, сдѣлался зрѣлищемъ для міра и ангеловъ и челоувѣковъ (1 Кор. 4, 9.) великій Стефанъ, первый украшенный вѣнцемъ исповѣданія, первый открывшій входъ люду мучениковъ, первый противоставшій грѣху даже *до крове* (Евр. 12, 4.). И мнѣ кажется, для всего премірнаго воинства и для всѣхъ темъ Ангеловъ, какъ служащихъ такъ и предстоящихъ, для всѣхъ, какіе намъ извѣстны, горнихъ высшихъ чиновъ, для началъ, силъ, престоловъ, властей, господствъ и для всего небеснаго сонма, служилъ тогда зрѣлищемъ сей подвижникъ борющійся съ противникомъ. Ибо жизнь челоувѣческая простиралась предъ борющимися какъ бы какое поприще, гдѣ они взаимно возбуждали къ бою другъ друга; съ одной стороны лукавый противникъ челоувѣковъ, со времени паденія прародителей до временъ Стефана искусившійся въ одержаніи побѣдъ надъ людьми; съ другой, — великій подвижникъ вѣры, ни во что ставящій нападеніе противника. Было у обоихъ и оружіе другъ противъ друга: у виновника смерти, — угроза (смертію) у ученика жизни, — исповѣданіе вѣры. И кто не подвигнется этому новому виду борьбы, когда основаніемъ сужденія объ истинѣ служила жизнь и смерть, когда доказательствомъ истины была смерть? Ибо проповѣдникъ сокровенной вѣры и невѣдомой жизни самымъ дѣломъ

провозгласилъ людямъ (истину) своего проповѣданія; поелику для людей здравосудящихъ готовность оставить сію жизнь служила доказательствомъ того, что жизнь оставляемая перемѣняется на лучшую.

Но лучше постараемся точно живописать словомъ, какъ бы на картинѣ, весь подвигъ Стефана, чтобы послѣдовательнымъ изображеніемъ того, что было, удобнѣе показать цѣлый рядъ чудесъ. Незадолго прежде, бурное дыханіе свыше, разсѣявшее воздушную и лживую силу демоновъ, наполнило домъ, въ которомъ находились апостолы и Духъ, раздѣлившись въ видѣ огненныхъ языковъ по числу приѣмлющихъ благодать, пребылъ на каждомъ изъ нихъ. При видѣ необычайнаго чуда, обнаружившагося въ звукахъ и языкѣ, объяли ужасъ и смятеніе всѣхъ собравшихся въ Иерусалимѣ изъ всякаго народа, когда они раздѣленные различными и разнообразными особенностями языковъ, всѣ внезапно оказались понимающими рѣчь учениковъ на этихъ языкахъ, и когда у Апостоловъ способность говорить (иными языками) возникла не вслѣдствіе предварительнаго ученія и какого-либо упражненія, но отъ вдохновенія Духа, чрезъ внезапное дарованіе сей благодати. Ибо нужно было, чтобъ утратившіе единство языка при строеніи земной башни опять обрѣли сіе единство при духовномъ созиданіи Церкви.

Поэтому домостроительство Святаго Духа хорошо начинается дѣйствіе благодати тѣмъ, что общее для всѣхъ людей благодѣяніе одинаково содѣлываетъ доступнымъ разумѣнію на всякомъ человѣческомъ языкѣ, дабы проповѣдь благочестія, будучи заключена въ предѣлахъ одного только языка, не осталась бы бесполезною и недѣйствительною для говорящихъ на иныхъ языкахъ.

Итакъ, когда Фарисеи не вѣрили собственнымъ ушамъ и старались ввести въ заблужденіе изумленныхъ чудодѣйствіемъ, насмѣшливо говоря, что такое необычайное состояніе произвело въ нихъ сладкое вино; когда Петръ одною рѣчью, какъ бы какою сѣтью, уловилъ Христу три тысячи душъ, и Церковь затѣмъ постоянно умножалась приращеніемъ спасающихся; когда хромой отъ рожденія опять отверзъ спасающимся красныя врата храма, сидя при которыхъ, посредствомъ своего чудеснаго исцѣленія, руководилъ къ вѣрѣ храмлющихъ душею, — и такъ въ то самое время, когда многіе стекались на проповѣдь вѣры и когда потребно было большее количество людей для служенія благодати, — тогда на помощь Апостоламъ призывается Духомъ великій по мудрости и благодати Стефанъ. И пусть никто, останавливаясь на названіи *служеніе* (Дѣян. 6, 2.), не думаетъ, будто этимъ онъ ставится ниже апостольскаго достоинства,

поелику и Павелъ признавалъ себя служителемъ Тайны Христовыхъ (1 Кор. 6, 5.), и Господь вселенной, своею плотію совершившій домостроительство спасенія челоуѣка, не стыдился именованія служенія, говоря, что Онъ посреди (учениковъ) *яко служай* (Лук. 22, 27.), совершая *раздѣленіе служеній*, какъ говорить Апостоль (1 Кор. 12, 5.). Ибо какъ огонь, охвативъ пригодное для него вещество, подьѣмлетъ пламень въ высоту и производитъ большій прежняго свѣтъ; такъ и Духъ Святой, вселившись въ великую душу Стефана, содѣлалъ яснѣйшими лучи благодати. Посему на него обращали взоры всѣ имѣвшіе какое-либо знаніе и образованіе; и тѣ, кои почитали себя въ этомъ отношеніи сильнѣе другихъ, согласившись вмѣстѣ, образовали какъ бы какой плотный ратный строй, пытаясь такимъ образомъ отразить удары Стефана. Но онъ для всѣхъ былъ равно не преоборимъ, вступалъ ли въ борьбу со многими, или съ немногими. Въ настоящемъ случаѣ, по видимости, вступали въ борьбу съ подвижникомъ истины Александрійцы, Либертинцы, Киринейцы и другіе отовсюду собравшіеся; но тотъ, кто скрывался за сею видимостію, былъ отецъ жи, въ лицѣ людей возставшій противъ глаголавшей въ Стефанѣ истины. Между тѣмъ хотя истина и восторжествовала надъ ложью, когда оный доблестный мужъ совер-

шенно обратилъ въ бѣгство всѣхъ поборниковъ лжи; однако служитель истины терпѣть навѣты отъ врага истины, какъ будто открывалъ не дѣйствительную, а измышлялъ мнимую истину. Я сказалъ бы діаволу: къ чему ты строишь эти ковы противъ провозвѣстника (истины)? Если у тебя есть сила, то поражай истину говорящую въ Стефанѣ; если же она не доступна твоимъ ухищреніямъ, то что изощряешь злобу свою противъ сосуда истины и уничтожаешь содержащее, оставивъ (неприкосновеннымъ) содержимое? Не подобное ли вѣчто дѣлаютъ псы, грызущіе камни, которыми въ нихъ бросаютъ, но не трогающіе того, кто бросаетъ? И такъ, поелику ложь была изблечена противопоставленною ей (истиною), и оный лукавій уже не въ состояніи былъ найти какого-либо другаго поборника лжи, такъ какъ всѣ обратили взоры къ ясно открытой истинѣ; то онъ вспоминаетъ о собственномъ своемъ ратномъ искусствѣ, раздѣляетъ свою силу между обвинителями и судьями и, дѣйствуя въ тѣхъ и другихъ, однихъ побуждаетъ говорить ложь на Стефана, другихъ съ гнѣвомъ принимать клевету; и различно настроивъ Іудеевъ своими внушеніями, становится противъ Стефана всѣмъ, и обвинителемъ и судьей и палачомъ и всѣмъ прочимъ, что могло служить къ его смерти, не зная какому паденію подвергнется самъ

послѣ такого приговора противъ Стефана. Ибо какъ опытные борцы, уступая тѣлесной силѣ противниковъ, готовятъ имъ болѣе тяжкое паденіе посредствомъ нѣкоторой искусственной ловкости; такъ и великій Стефанъ, простертый по землѣ, наноситъ тяжкое пораженіе противнику. Ибо съ этой поры потекли апостолы по вселенной; здѣсь начало распространенія ученія повсюду; поелику, еслибъ Іудейскій народъ послѣ убійства Стефана не возсталъ съ неистовствомъ на Апостоловъ, то благодать Евангелія ограничилась бы, можетъ быть, однимъ Іерусалимомъ; теперь же, гонимые Іудеями, они разсѣиваются каждый по различнымъ народамъ вселенной, отовсюду изгоняя діавола ученіемъ таинствъ. Такъ, приемлетъ слово Божіе Самарія; такъ, мимоходомъ на пути Филиппъ содѣлываетъ спасеніе евнуха; такъ великій сосудъ Церкви Павелъ, вооруженный отъ діавола гнѣвомъ и угрозами, обращаетъ стрѣлы противъ того самаго, кто вооружилъ его, изгоняя его за предѣлы всей вселенной, такъ какъ ни одной страны не оставилъ онъ недоступною вѣрѣ во Христа. Съ этихъ поръ Египтяне, Сиріяне, Паряне и жители Месопотаміи, Италійцы и Галаты, Иллирійцы, Македоняне (познаютъ Христа), и ученіе, распространяясь всюду, приводитъ всѣ народы къ вѣрѣ. Видишь ли ратоборческое искусство Стефана? Видишь ли, сколь

многими ударами сокрушенъ врагъ, мнвишій посредствомъ клеветы взять верхъ надъ своимъ противникомъ?

Но возвратимся назадъ, на поприще борьбы. Какими словами клеветники возбуждаютъ народъ? *Человѣкъ сей не престаеѣтъ, говорятъ они, глаголы хульныя глаголя на мѣсто святое сіе и законъ. Слышахомъ бо его глаголюща яко Иисусъ Назорей сей разоритъ мѣсто сіе, и измѣнитъ обычаи, яже предаде намъ Моисей (Дѣян. 6, 13. 14.)*. Таково обвиненіе риторовъ діавола. Но каково безуміе слушающихъ? За что съ гнѣвомъ встаютъ противъ обвиняемаго? Что худаго усмотрѣли въ сихъ словахъ? Что выставляли они какъ обвиненіе противъ него, то впоследствии совершилось. Говорили, будто онъ сказалъ, что мѣсто сіе имѣетъ быть разрушено и постановленія Моисеевы будутъ отмѣнены. Какое же преступленіе заключается въ сихъ словахъ, истинны ли они, или ложны? Ибо если говоритъ ложь, то не произойдетъ этого печальнаго событія, если же правду, то что преступнаго въ словѣ, которое предсказываетъ то, что сбудется? Чему быть непременно, то совершится, будемъ ли мы молчать о томъ, или нѣтъ: а улучшить ли скольконибудь участь опечаленныхъ умерщвленіе предсказателя? Потомъ обвиняется Иисусъ Назорей, а къ наказанію приговаривается Стефанъ. И если преступникъ возбуждаетъ

гнѣвъ, преступленіе же состоитъ въ переустройствѣ мѣста и обычаевъ, а это по словамъ обвинителя произведено не Стефаномъ, а Иисусомъ; то судъ конечно долженъ былъ обратиться противъ обвиняемаго. О несправедливый приговоръ слушающихъ! Поелику, говорятъ, Иисусъ измѣнить законы, то пусть будетъ побить камнями Стефанъ. Но какимъ образомъ измѣнить законъ Иисусъ, Который такъ стоялъ за законъ, Который все установилъ для утверженія древнихъ (законовъ) и сказалъ: *не приидоухъ разорити законъ, но исполнити* (Матѳ. 5, 17.); Иисусъ, Который законъ воспрещающій убійство подтвердилъ своимъ ученикамъ тѣмъ, что совершенно возбранилъ гнѣвъ (Матѳ. 5, 21. 22.), Который вмѣстѣ съ вожделеніемъ изгналъ прелюбодѣяніе (ст. 28), Который запрещеніемъ мстить за оскорбленіе узаконилъ не допускать даже и начала злыхъ обидъ (ст. 43. 44.), Который заповѣдавъ раздаяніе имущества искоренилъ страсть любостыжанія. Какъ же этого и не припомнили и не подвергли изслѣдованію и обсужденію? Желалъ бы я теперь присутствовать на собраніи оныхъ кровожадныхъ судей и спросить о мѣстахъ, изъ за которыхъ они неистовствуютъ: гдѣ оный знаменитый храмъ, гдѣ тѣ, до невѣроятности огромные камни, гдѣ оное золото, которое по цѣнѣ едва ли не должно было равняться остальнымъ мате-

ріаламъ храма, гдѣ законныя священнодѣйствія, овень, телець, агнецъ, телица, голубь, горлица, козелъ отпущенія? Если съ тою цѣлію осуждають на смерть Стефана, чтобы не постигло какое-либо изъ этихъ бѣдствій, то пусть покажутъ, что они сберегли для себя посредствомъ этого беззаконнаго убійства? Если же ничего такого не уцѣлѣло, изъ-за чего произнесенъ оный приговоръ, то пусть скажутъ, изъ-за чего это убійство? Но мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изображеніи подвиговъ Стефана, какъ мститъ кровожаднымъ убійцамъ осыпaeмый камнями, какъ хлопьями снѣга, какими ударами отражаетъ тѣхъ, которые сыплютъ на него градъ камней. Пусть сыны Іудеевъ узнають оружіе христіанъ, которое великій Стефанъ, употребивъ для отмщенія мучителямъ, своимъ примѣромъ далъ законъ для нашей жизни. Они съ звѣрскою и безчеловѣчною яростію обступивъ Святаго, всѣ имѣли въ виду одну цѣль: все, что было подъ рукою, обратить въ оружіе противъ Стефана; а онъ какъ нѣкій Священникъ, по духовному закону закалающій чистую жертву, приносящій не чужое, а собственное тѣло, вмѣсто возліянія изливающій кровь, самъ собою за согрѣшившихъ умилоствлялъ Бога, Котораго зрѣлъ въ недоступныхъ небесахъ, за убійство отмщая благодѣяніемъ, вопія въ слухъ убійцамъ и говоря: *Господи, не поста-*

ви имѣ грѣха сею (Дѣян. 7, 60.). Онъ молитвою изглаждалъ грѣхъ ихъ, который убійцы вписали своими незаконными руками, а они, разражаясь даже молитвою, не переставали бросать камни до тѣхъ поръ, какъ великій Стефанъ, засыпанный ими какъ нѣжными цвѣтами, или какъ бы покрытый какою легкою рососою, погрузился въ сладкій и блаженный сонъ.

Но побѣда предварила (окончаніе) борьбы, и мы видимъ борца увѣнчаннымъ прежде конца подвиговъ; ибо прежде чѣмъ мы разсмотрѣли самый подвигъ, наше слово коснулось уже конца подвиговъ. Однако я думаю, наше слово не должно опускаться изъ виду того, въ чемъ особенно ясно открывалась доблесть мученика: каково было собраніе замышлявшихъ убійство и какъ у всѣхъ равно духъ возбужденъ былъ къ убійству, какое согласіе на зло было у собравшихся, каковъ взоръ cadaго, каковъ внѣшній видъ, какой скрежетъ зубовъ, какъ даетъ знать о томъ божественное Писаніе: *распылахуся сердца свои и скрежетаху зубы наны* (Дѣян. 7, 54.). Но стоявшій посреди столькихъ и такихъ людей, возставшій противъ всей силы вражіей, дѣйствовавшей посредствомъ сихъ кровожадныхъ, во всемъ преобѣдилъ ихъ величіемъ души, противопоставивъ гнѣву, — долготерпѣніе, угрозамъ, — пренебреженіе, страху смерти, —

презрѣніе жизни, ненависти, — любовь, злобѣ, — благорасположеніе, клеветѣ, — очевидность истины. Подвижникъ истины явилъ себя побѣдителемъ не однимъ какимъ-либо способомъ; но противъ всякаго вида злобы, обнаруживаемой тогда Іудеями, онъ противопоставлялъ въ себѣ различныя добродѣтели; со всѣми видами зла сражался и всѣ побѣждалъ. Такъ я слышалъ, что въ гимнастическихъ упражненіяхъ борцовъ тѣ, кои превосходятъ другихъ силою, часто, вступая въ состязаніе со всѣми участвующими въ бѣгѣ, одерживаютъ побѣду надъ всѣми противниками; таковъ былъ и предводительствующій на поприщѣ мучениковъ; онъ, противопоставъ всей силѣ противника, надъ всѣми торжествуетъ побѣду. Ибо лжеименную, боровшуюся съ нимъ мудрость Либертинцевъ, Киринейцевъ и Александрійцевъ, побѣдилъ истинною мудростію; страхъ, — дерзновеніемъ, угрозу, — презрѣніемъ, озлобленіе, — благодѣяніемъ, ложь, — истинною. Они готовились къ убійству и уже вооружили руки камнями, выражая озлобленіе и взорами и тяжелымъ дыханіемъ и скрежетомъ зубовъ; а онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на братьевъ и привѣтствовалъ какъ отцевъ; ибо, *мужіе*, говоритъ онъ, *братіе и отцы послушайте* (Дѣян. 7, 2.). Они измышляли вѣроподобныя клеветы; а для него сонмище убійць было мѣстомъ преподаванія истины; не пре-

рывалось слово отъ страха, не ослабѣвало отъ ожидаемыхъ опасностей, не было у него смерти предъ глазами, но вознесшись духомъ горѣ и взянувъ на тѣхъ, кто находился предъ нимъ, онъ какъ неразумныхъ дѣтей руководить ихъ словомъ, для доказательства ихъ заблужденія относительно догматовъ пользуясь тѣмъ самымъ, чему они вѣрили. Въ рѣчь вводится Авраамъ и вся исторія его представляется въ немногихъ словахъ; потомъ по порядку являются слѣдующіе святые; повѣствуется при этомъ о Моисеѣ, о его рожденіи, воспитаніи, наученіи; о тайноводствѣ на горѣ; о томъ, какъ поразилъ онъ казнями Египеть, какъ спасъ Израиля, какъ предвозвѣстилъ тайну Господню (Дѣян. 7.). Особенно же привело въ волненіе синадріонъ и воспламенило его гнѣвъ то, что Моисей, котораго они, какъ имъ казалось, съ особеннымъ вниманіемъ изучали, оказался защитникомъ ученія Стефанова. Посему, вставши, приводятъ дѣло къ концу, достойному и ихъ собственнаго озлобленія и желанія Стефана. Ибо онъ, переступивъ предѣлы естества, прежде ншестеія изъ тѣла, чистыми очами видитъ отверзтыя предъ нимъ небесныя врата, открытое внутреннее святилище, и какъ самую божественную славу, такъ и *сіяніе славы* (Евр. 1, 3.). Видъ славы Отчей не можетъ быть описанъ никакимъ словомъ; *сіяніе же* въ види-

момъ для людей образъ созерцается подвижникомъ, являясь настолько, насколько можетъ то вмѣстить человѣческая природа. И такъ онъ ставъ выше человѣческой природы и преобразившись въ ангельскую красоту (такъ что служилъ предметомъ удивленія и для самихъ убійць, когда видъ лица его измѣнился по подобію достоинства ангельскаго) увидѣлъ недоступное взору и громогласно возвѣстилъ явившуюся ему благодать. А они затыкали уши и не хотѣли слушать повѣствованія о видѣніи, поступая хорошо по крайней мѣрѣ на сей разъ; ибо слухъ нечистыхъ не былъ достоинъ принять повѣствованіе о божественномъ явленіи. И такъ, онъ сообщалъ всѣмъ предстоящимъ о благодати, передавая своимъ разказомъ во всеобщее свѣдѣніе то, чего былъ удостоенъ только онъ одинъ; *вижу*, говоритъ онъ, *небеса отверзта и Сына чловѣча одесную стояща Бога* (Дѣян. 7, 50.). Они же, возопивъ громкимъ голосомъ и затыкая уши, единодушно устремились на него. Очень хорошо въ повѣствованіи о нихъ и вопль ихъ причисленъ къ дѣламъ, чтобы показать сродство произволенія ихъ съ произволеніемъ Содомлянъ. Ибо и ихъ беззаконіе Судіею названо воплемъ; *воплъ*, говоритъ онъ, *Содомскій и Гоморрскій взыде ко Милъ* (Быт. 18, 20.). И такъ они вопіяли для того, чтобы былъ услышавъ ихъ вопль противъ Стефана.

Подвижнику же не было неизвѣстно, что чрезъ озлобленіе убійць онъ получаетъ благодѣяніе; ибо какъ бы вѣнцемъ увѣнчанный въ кругу побивавшихъ его камнями, онъ такъ принималъ происходившее, какъ будто руки противниковъ сплетали ему побѣдный вѣнецъ. Посему-то убійцамъ и мститъ благословеніемъ, прося не возмездія за содѣянное надъ нимъ, въ противоположныхъ послѣдствіяхъ,—чтобы ему принесло это жизнь, противникамъ же его гибель; но моля, чего удостоивался самъ, того не лишать и враговъ, какъ содѣйствовавшихъ ему въ достиженіи благъ. Такъ умѣетъ относиться ко врагамъ тотъ, который зрѣлъ Христа; поелику онъ увидѣлъ Законодателя терпѣнія, то припомнилъ законъ, повелѣвающій любить враговъ, добро творить ненавидящимъ насъ и молиться за враждующихъ съ нами (Матѳ. 5, 44.).

Но не людскія похвалы могутъ прославить подвижника, да и цѣль его подвига состояла не въ достиженіи славы отъ людей; превзошедши цѣлый міръ величіемъ дѣянія и превысивши мѣру человѣческихъ силъ, онъ тѣмъ самымъ содѣлалъ совершенно безсильнымъ всякое хвалебное краснорѣчіе. И такъ его подвиги превыше всякаго человѣческаго слова; но намъ его дѣянія пусть послужатъ для спасенія душъ. Ибо какъ между борцами тѣлесными, тѣ, которые перестали состязаться,

обучаютъ гимнастическимъ упражненіямъ юношей, наставляя ихъ, какъ посредствомъ искусственной ловкости отражать нападенія противниковъ; такъ думаю и намъ должно учиться благочестію у великаго Стефана, чтобы, при его помощи, избѣжать нападеній духовборцевъ. Безумно возстающіе противъ славы Духа называютъ соучастникомъ своего безумія Стефана, который возрѣвъ на небо, увидѣлъ славу Божию и Иисуса, стоящаго одесную Бога. И такъ, извращающіе догматы благочестія говорятъ, что если Духъ долженъ быть несомнѣнно счисляемъ со Отцемъ и Сыномъ, то какъ Стефанъ, въ видѣніи, съ Сыномъ не видѣлъ и Духа? Какъ же Стефанъ простретъ руку помощи тѣмъ, которые обольщаются такими словами? Какъ поможетъ тѣмъ, кои слабы въ искусствѣ спорить? Въ томъ же самомъ (мѣстѣ писанія) помощь, которая испровергаетъ невѣріе противника. Ты, духовборецъ, спрашиваешь: если видима была слава Отца и Сына, стоящій одесную, то гдѣ Духъ? Еслибы въ тебѣ былъ Духъ, то ты не пропустилъ бы предложеннаго о Немъ слова, какъ потерявшіе зрѣніе проходятъ, не узнавая лежащаго у ихъ ногъ золота. По крайней мѣрѣ теперь послушай, если ты не затыкаешь ушей подобно Іудеямъ. Какимъ образомъ Стефанъ видѣлъ пренебесную славу? Кто отверзъ ему небесныя врата? Человѣческихъ ли

сила то было дѣло? Или кто изъ ангеловъ подъялъ на оную высоту долу находящуюся человѣческую природу? Нѣтъ; не то говорить дѣписание о Стефанѣ, будто бы онъ видѣлъ, что видѣлъ, въ слѣдствіе особенной своей силы, или будучи исполненъ ангельской помощи. А что говорить? *Стефанъ же сый исполнь Духа Свята, видѣ славу Божию* и Единороднаго Сына Божія (Дѣян. 7, 55.). Нельзя, какъ говорить пророкъ, увидѣть свѣтъ иначе, какъ видя его при посредствѣ свѣта; ибо *во свѣтъ Твоемъ*, говоритъ, *узримъ свѣтъ* (Псал. 35, 10.). И такъ, если созерцаніе свѣта возможно не иначе какъ при посредствѣ свѣта же, то какимъ образомъ можетъ взирать на солнце тотъ, кто находится внѣ лучей солнца? И такъ, поелику Единородный Свѣтъ созерцается въ Свѣтѣ Отца, то-есть, во Святомъ Духѣ, отъ Него исходящемъ, то поему предъовсѣщенный славою Духа разумѣваетъ Славу Отца и Сына. Потомъ какъ назовемъ истиннымъ Евангельское изреченіе, что *Бога никтоже видѣ ни дѣже* (Іоан. 1, 18)? Какъ слова Апостола не будутъ противорѣчить рассказанному, когда онъ говоритъ: *Его же никтоже видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тимое. 6, 16.)? Ибо если слава Отца и Сына признается вмѣстимою для человѣческой природы и силы, то конечно былъ бы лжецомъ тотъ, кто сказалъ, что ви-

дѣніе божества невозможно для людей. Но необходимо допустить, что онъ не лжетъ и то, что повѣствуется, истинно. Итакъ, ясно открывается зломысліе духоборцевъ, потому что, по свидѣтельству Писанія, подобное усматривается подобнымъ. Стефанъ зреть Божество не съ человѣческою природой и силами оставаясь, но исполнившись благодати Святаго Духа, которою онъ возвысился до созерцанія Бога. Посему, если безъ Духа нельзя даже *речи Господа Иисуса* (1 Кор. 12, 3.), какъ говоритъ Апостоль, ни уразумѣть Отчую славу, то ясно открывается, что гдѣ есть Духъ, тамъ зрится и Сынъ и вмѣстѣ созерцается Отчая слава.

Другое оружіе нечестія находятъ противъ насъ въ томъ же повѣствованіи христорорцы. Они говорятъ, что въ этомъ событіи обнаруживается низшее достоинство Единороднаго; ибо тѣмъ, что Онъ стоитъ одесную Отца, дается указаніе на то, что Онъ подвластенъ Отцу. Чтоже Павелъ,—сказалъ бы я таковымъ, чтоже прежде его жившій Пророкъ Давидъ,—оба по наученію отъ Духа повѣствующие о славѣ Единороднаго? Ибо Давидъ говоритъ: *рече Господь Господеву Моелу: сѣди одесную Мене* (Псал. 109; 1.); а Апостоль говоритъ, что Господь сѣдитъ *одесную* престола Божія (Колосс. 3, 1.). Слѣдовательно, если стояніе есть знакъ ума-ленія, то сѣденіе конечно есть знакъ равно-

честія. Пусть же они, или уничтожатъ свидѣтельства о Божескомъ достоинствѣ, которыми обозначается высота (пребыванія) одесную, или благочестно примутъ сіе; ибо одинъ учитель у каждаго изъ сказанныхъ,—благодать Духа. Стефанъ видѣлъ то, что видѣлъ, будучи исполненъ Святаго Духа (Дѣян. 6, 8.), и то, что видѣлъ, рассказалъ; *Давидъ же Духомъ Господа Ею нарицаетъ* (Матѳ. 22, 44.), какъ говоритъ Евангеліе, а Павелъ, какъ самъ говоритъ, *Духомъ глаголетъ тайны* (1 Кор. 14, 2.). И такъ, если одинъ Учитель, не разногласящій самъ съ собою (ибо учитель есть Духъ истины, пребывающій въ богодухновенныхъ мужахъ); то какимъ образомъ могъбы кто подозрѣвать какое либо разногласіе въ догматахъ!—Но по обыкновенному разумѣнію, говорятъ, иной смыслъ соединяется съ понятіемъ сѣденія и иной съ понятіемъ стоянія. И я соглашаюсь съ этимъ. Но слово, въ томъ значеніи, въ какомъ оно прилагается къ предметамъ тѣлеснымъ, не можетъ быть правильно примѣняемо къ природѣ безтѣлесной. По отношенію къ человѣку, сѣденіе означаетъ успокоеніе тѣла на бедренныхъ частяхъ, чтобы колѣнныя чашки, держа на себѣ тяжесть тѣла, не страдали отъ постояннаго напряженія; наоборотъ, стояніе обозначаетъ прямое положеніе человѣка на ногахъ, не успокоивающагося сидѣніемъ на бедрахъ. Въ отношеніи же

къ высшей природѣ, сидѣніе и стояніе не соединены съ сими понятіями; то и другое равно далеко и отъ обыкновеннаго значенія (сихъ словъ); ибо мы не поймемъ ни стоянія на ногахъ того, что безтѣлесно, ни сидѣнія на бедрахъ того, что не имѣеть внѣшняго вида; но подъ каждымъ изъ сихъ словъ благочестно будемъ разумѣть твердость во всякомъ добрѣ и неизмѣняемость во всемъ. Говорящій, что Божество сѣдитъ и говорящій, что Оно стоитъ, ни сколько не разногласятъ между собою относительно смысла, не смотря на различіе реченій; первый утверждая, что Божество твердо стоитъ въ добрѣ, и послѣдній, что Оно неизмѣнно пребываетъ въ немъ. И какъ Пророкъ Давидъ и Апостолъ Павелъ, каждый въ свойственныхъ себѣ выраженіяхъ говоря о сѣденіи Единороднаго, не даютъ тѣмъ разумѣть, что Сынъ сѣдитъ на престолѣ, тогда какъ Отецъ стоитъ; такъ и въ словахъ Стефана, услышавъ о стояніи Сына, ты неправильно сталъ бы предполагать, что сѣденіе свойственно только Отцу. Ибо какъ у Павла и Давида сѣденіемъ Сына одесную предполагается вмѣстѣ и сѣденіе Отца, хотя прежде и не было рѣчи объ Отцѣ; такимъ же точно образомъ и у Стефана стояніемъ Сына указывается вмѣстѣ на такое же положеніе и относительно славы Отца. Ибо понятіе образа (Евр. 1, 3.) можетъ сохраниться только тогда,

если мы все, что ни разумѣмъ и усматриваемъ въ немъ, будемъ признавать находящимся и въ первообразѣ. Какъ во благѣ благо, въ свѣтѣ свѣтъ, и во всемъ соотвѣтственными свойствами отображается въ образѣ первообразная красота; такъ и въ сѣденіи Сына (что бы ни давало разумѣть сіе наименование), вмѣстѣ разумѣется и сѣденіе Отца, подобно тому и въ стояніи Его,—стояніе Отца; иначе исчезло бы понятіе образа, какъ скоро съ измѣненіемъ свойствъ онъ сталъ бы инымъ, чѣмъ Первообразъ. Вотъ что, братіе, мы могли сказать мимоходомъ на представившійся вопросъ, такъ какъ видѣніе Стефана подало поводъ нашему слову коснуться разсмотрѣнія этого предмета. Намъ же, дай Богъ, быть не зрителями только подвига Стефанова, но и участниками благодати, исполненными Святаго Духа, въ низложеніе противниковъ, во славу Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О П Е Ч А Т К И.

ПАПЕЧАТАНО:		ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:	
<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>		
4 —	4 снизу	по	по
6 —	18 свер.	надъ ними	надъ нимъ
8 —	4 —	Царств.	4 Царств.
18 —	7 —	<i>отъ дутъ</i>	<i>отъ душъ</i>
19 —	8 —	<i>возжажда</i>	<i>возжада</i>
29 —	15 —	<i>оинецъ</i>	<i>инецъ</i>
60 —	11 —	бросится	броситься
64 —	3 —	<i>въ животь семъ</i>	<i>въ животь семъ точію</i>
68 —	6 —	вличіе	величіе
79 —	4 снизу	производитъ	производитъ
102 —	5 сверх.	<i>по дни</i>	<i>во дни</i>

О П Е Ч А Т К И

ВЪ ТВОРЕНИЯХЪ ГРИГОРІЯ НИССКАГО:

НАПЕЧАТАНО:

ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>		
399	сверх. 19	жизнь Іерем. (20, 14)	жизнь (Іерем. 20, 14).
472	снизу 7	тебѣ	тебѣ
516	— 17	посмѣиваюсь	посмѣиваюсь

ВЪ ПРИБАВЛЕНИЯХЪ:

806	сверх. 17	Προνι.	Πονι.
814	— 16	Если два было пѣвца, по четыре псалма, если три, то каждый пѣлъ по шести псалмовъ.	если два было пѣвца, то каждый пѣлъ по шести псал- мовъ, если три, то по че- тыре псалма.
832	снизу 4	Есер. Grdc.	Gloss. Graecit.
888	снизу 7	туга	туга.

О П Е Ч А Т К И

ВЪ ТВОРЕНИЯХЪ ГРИГОРИЯ НИССКАГО:

Напечатано:		Должно читать:
<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	
141	сверху 11 ,	,—
150	снизу 2 демоны	демоны
156	сверху 8 отсюду	отвсюду
163	— 2 Моисево	Моисеево.
165	— 4 Иордана	Иордана
167	— 6 просили чтобъ	просили, чтобъ
—	— 7 убѣдился что	убѣдился, что
—	— 16 любомудрствуя,	любомудрствуя
171	снизу 6 такъ и сей	такъ и сей.
182	— 15 тираннами,	тираннами
189	— 13 молитвою,	молитвою

ВЪ ПРИБАВЛЕНІЯХЪ:

303	снизу 1 оныхъ	онѣхъ
312	— 10 какъ сынъ	онъ какъ сынъ
318	— 8 язычество	язычество,
320	сверху 4 Иусуса	Иисуса
329	— 8 330	339
—	— 21 судопроизводства	судоустройства
335	— 22 <i>прѣрчи</i>	<i>прѣорчи</i>
344	— 14 Повесть	Павель
345	снизу 1 законы	законы
346	сверху 1—2 епископа	епископа
—	— 20 апископа	епископа
348	— 20 низверженіи	изверженіи
357	— 2 сыводу	выводу
360	снизу 4 анаѣмствуемъ	анаѣматствуемъ
—	На 24-мъ и 25-мъ листахъ счетъ	страницъ невѣренъ
362	сверху 5 какошъ	канонъ

ВЪ ЖУРНАЛАХЪ СОВѢТА М. Д. А.

74	снизу 13 возможнымъ	возможнымъ
78	сверху 5 свѣдѣія	свѣдѣнія
79	— 19 со	до
80	снизу 4 дѣятельность	дѣятельность,—
93	сверху 13 званіе	званіи
94	— 10 требованіямъ удовлетворя-	удовлетворяющее требова-
	ющее	ніямъ
95	— 12 Правленіе	Правленія
99	— 6 Практическое Отдѣленіе	Практическаго Отдѣленія
103	снизу 9 духовой	духовной

СОДЕРЖАНІЕ

ОСЬМАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

	<i>Стран.</i>
Слово на день свѣтовъ, въ который крестился нашъ Господь.....	1
Слово на св. Пасху, и о тридневномъ срокъ воскресенія Христова.	26
Слово на св. Пасху о воскресеніи; сказано въ великій день воскресный.....	56
Слово на Святую и спасительную Пасху.....	88
Слово на день, называемый по мѣстному обычаю у Каппадокійцевъ: <i>Ἐπισκοπή</i> то-есть на праздникъ вознесенія Господа нашего Іисуса Христа.....	92
Слово о Святомъ Духѣ.....	98
Похвальное слово Святому Первомученику Стефану.....	105
Слово о жизни Святаго Григорія Чудотворца.....	127
Похвальное слово великомученику Θεодору (Тирону).....	199
I. Похвальное слово Святымъ сорока Мученикамъ.....	214
II. Похвальное слово Святымъ сорока Мученикамъ.....	223
III. Похвальное слово Святымъ сорока Мученикамъ, произнесенное во храмъ ихъ.....	240
Похвальное слово преподобному отцу нашему Ефрему....	259

Слово въ день памяти Василя Великаго, роднаго брата..	296
О жизни преподобной Макрины, сестры Василя Великаго (къ Олимпію монаху).....	328
Надгробное слово Мелетію Великому, Епископу Антиохій- скому.....	376
Надгробное слово Пульхеріи.....	391
Надгробное слово императрицѣ Плакилль.....	407
Каноническое посланіе къ святому Литоію, епископу Меле- тинскому.....	425
Письма.....	444
